

попаданец

Илья Романов

МАХИНАЦИИ САМОЗВАНЦА

Илья Николаевич Романов
Махинации самозванца
Серия «Бестолочь», книга 3
Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70063183
Махинации самозванца : роман / Илья Романов: АСТ; Ленинград;
Москва; 2024
ISBN 978-5-17-146370-0

Аннотация

Взять легко – удержать сложнее. Самозванец старого пограничного барона удержал стену, перебил оппозицию рыцарей, сохранил от разграбления долину. Вроде бы осталось дело за малым: подтвердить права на долину у короля. Но батя был успешным контрабандистом, а это весомо для тех, кто хочет себе денежный кусок. Причина для шук в местном, пограничном болоте. А если в столице прознают про торговлю с орками, то легче повеситься...

Содержание

В качестве вступления	5
Часть первая	17
Глава 1	17
Глава 2	34
Глава 3	52
Глава 4	67
Глава 5	87
Глава 6	107
Глава 7	124
Часть вторая	147
Глава 1	147
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Илья Романов

Махинации самозванца

Серия «Попаданец»

Выпуск 163

Ленинград
издательский дом

© Илья Романов, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

В качестве вступления

Я стоял перед сырой кишкой узкого, приземистого подземного хода. Это чушь, что каждый замок имеет разветвлённые, обширные сети тайных ходов. Это дорогое и хлопотное занятие – устранять лишних свидетелей, что эти ходы копали. Может, где-нибудь в древних замках или дворцах подземное сообщение имеет более разветвлённые сети, но этот замок относительно молодой.

Что я, собственно, здесь стою?! Ну, как вам сказать, я вступаю в наследство своей наглой глупости. Так сказать, осматриваю то, что мне досталось по случаю. Я бы даже сказал по случаю моей «самоподставы». Я самозванец и всё на этом...

Тут в подземелье, рядом от тайного выхода из замка, располагается усыпальница. В этой усыпальнице в каменных саркофагах лежит мой отравленный самозванный батюшка, его жена, сыновья и прядь волос дочери барона Агира. Дочку барон так и не смог похоронить по-человечески, просто нечего было хоронить.

Также тут должны лежать перезахороненные предки старого барона. Но их тут не было. Мне говорили, что старый барон мечтал в обрётённом родовом гнезде упокоить своих предков, каких-то мелкопоместных дворян, но у него не вышло. Почему не вышло – не знаю, да и знать не хочу. Так

вышло и всё.

Теперь тут лежит и мой наставник. Я перезахоронил труп старого, безземельного отморозка по прозвищу «Тухлая Черепаха. Спи спокойно мой ублюдочный друг и наставник. Для многих ты был воплощением зла – я это знаю. Для тех же, кто живёт войной и на войне, ты был обычным человеком. Я же тебя знаю совсем с другой стороны, точнее знаю не только со злых сторон.

Ты всегда мечтал о своей земле. Теперь она у тебя есть. Прости, что так мало, но земля тут хорошая. Теперь это наша земля, Антеро. Твоя и моя. Без тебя, твоих советов, поддержки, чувства локтя я подох бы раньше, чем вник бы в реалии средневековой жизни...

Ну ладно, выплеснул пар. Теперь чётко, кратко и основательно выскажусь о событиях, из-за которых я стал самозванным бароном.

Я попал в другой мир. Тогда я думал, что по мне «дурка плачет». «Галюки в психушке», или я пускаю пену под капельницей в коме. То, что по мне «дурка плачет», если разобраться, не так далеко от истины. Каюсь, грешен – помимо обычных психозов, что у любого человека появляются ближе к концу жизни, я, так сказать...

Скажу прямо, я патологический пьяница. В другой мир я попал, перебрав алкоголя. Тупо провалился под «плавень» на рыбалке и, наверно, не смог выплыть. А может, и выплыл,

но уже тут. Как во всем теперь разобраться – сам не знаю. Я это к тому, что дорога домой мне «не светит». Спрашивать просто не у кого.

Почему? Ну, тут всё просто. Тут чужаков не любят. Ходят слухи, что в этом мире есть что-то вроде инквизиции на странников из других миров. Так что идти к магам и проситься домой – это верный способ стать подопытным кроликом...

Я хотел бы о многом рассказать. Как выживал, как прятался, пытался сойти за своего, но скажу только самое главное.

Сбежал от контрабандистов, к которым прибился по дури. Потом по той же дури или скорее незнанию местных законов напросился в оруженосцы к безземельному, бродячему рыцарю.

Когда я понял, что по клятве попал в положение раба у Антеро, то без всяких изворотов хотел его убить, но сделать этого не мог. Поэтому просто подставил его на рыцарские разборки с другими пьяными рыцарями. Как ни странно, но это нас и сблизило. Мой отморозок тогда считал прибыль от выкупа доспехов дуэлянтов. Зализывая очередную рану на своей тушке, он брякнул что-то подобное: «Дурак ты, конечно. Но полезный дурак... Предупреждай заранее о своих аферах». Дальше мы путешествовали. Попали в одно графство в пограничье. Тут я учудил ещё больше. Еле ноги унесли. Попутно в этом графстве я случайно, по незнанию обычаев, посватался к девице. Учудил, конечно, так как местные

против её воли определили ту в шлюхи. Как позже выяснилось, стал отцом.

Также я стал временным рыцарем, который обязан подтвердить своё звание подвигом. Временное посвящение – событие настолько уникальное и редкое, что мой подвиг тоже был не из области гуманизма. Граф, что из-за кучи политических выгод посвятил меня в рыцари, этим же самым поступком списал меня вчистую. Мой сюзерен отправил меня умирать в качестве парламентаря.

Умирать, потому что адресата – барона – соседи уже достали предложениями сменить вассалитет с королевского на графский или маркизский. Достали до такой степени, что барон обещал повесить на воротах следующего крикливого дурака. До кого не дошло, то этим дураком должен был стать я.

Если кто-то опять не понял, то меня не жалко: «Мавр сделал своё дело. Мавр может уходить». Я неполноценный рыцарь, не сын влиятельного вассала. То есть, если бы я подох, то у графа не было бы внутренних проблем со своим дворянством. К тому же я знал лишнюю подоплёку турнира, опасный свидетель. При таких раскладах «играть за стол не садятся».

Я, честно говоря, первые дни боялся не доехать до баронства живым. Граф пристроил ко мне почётный эскорт из своих бравых парней. Я парился, что меня в первом же лесочке тихо удавят. Пронесло, не удавили. Но не думаю, что меня граф пощадил, скорее другое. После моей смерти в качестве

парламентёра есть повод развязать войну с соседом под прямым патронажем короля и не бояться гнева монарха. Причина для войны вполне уважительная, так что король не мог бы открыто вмешаться. И как я сейчас понимаю, да и не стал бы король во всё это влезать. У него и своих проблем хватает...

Я раньше времени подыхать не хотел и «запел как соловей», сдав со всеми потрохами своего якобы сюзерена. Выклянчил у барона назначение в столицу на службу. В обмен стал подставной фигурой для убийц. Ну, типа я его наследник. Отвлекающий манёвр от его настоящего наследника, чтобы его бастард живым доехал до короля и вступил в наследование. Напомню, барон – вассал короля и из этого возникают его преимущества и его проблемы.

Кто-то скажет, что я дурак и сам себе подписал приговор. Да я с вами даже спорить не буду. Полностью согласен с вашим мнением. Всё проще. Я просто жить хотел, и желательно жить не в пыточной. Вы что, серьёзно думаете, что если бы мой самозванный батюшка не был заинтересован во мне, то выпустил бы меня живым из баронства?!

Конечно, всё, что я рассказал, было не совсем так. Просто лень в детали углубляться, так что примите по факту.

Далее мы с Антеро чудили в столице. Да! Да! Безземельный отморозок, как и прежде, остался моим наставником и одним из немногих друзей, на кого я мог положиться. И вообще в столице было много чего, как важного, так и стыдного.

Если вы думаете, что я в столице цветочки нюхал и не вылезал с балов, то вы наивнее пятилетнего ребёнка. Кратко: пил, блевал, опять пил и сражался на дуэлях. Всё в духе тупой гвардейской солдатни, которой я номинально и стал.

Из важного в столице. Приобрёл себе оруженосца, что для ограниченного в деньгах и родословной крайне непросто. Тупо убил несколько детей. Ну как детей, малолетней шпаны, которые убивали своего. Влез, в общем, в воровские разборки среди малолетних преступников. Жертва малолетних преступников стал моим оруженосцем.

В лучших традициях своего наставника, я дал прозвище оруженосцу: Гумус, что значит «навоз»¹ по латыни. Преемственность поколений, блин! Вы же не думаете, что я стал «Бестолочью» по своей прихоти?!

Если кто думает, что я взял себе оруженосца из гуманизма, то вы не правы. Опять всё упирается в то, что я просто хотел жить. На тот момент на меня пошла тихая охота в ночи. Сказывалось то, что я стал самозванцем, так сказать, липовым наследником барона. Лишняя помеха для тех, кто хотел выкупить у короля баронство за бесценок, конечно, после смерти барона. Это было бы возможно, потому что у барона не было официальной родни, кроме меня...

Крови было много. Подставы, временные переводы в опасные криминогенные районы для патруля, наёмные убийцы из низов, бретёры – те же наёмные убийцы, но из обни-

¹ Герой ошибается. С латыни «гумус» переводится как «земля».

щавшего дворянства. В общем, мне нужен был тот, кто смотрит за моей спиной...

Как выжил, рассказывать не буду. Долго это и мучительно. Расскажу лучше о сопутствующих событиях моего выживания.

Я встретил наших земляков. Точнее то, что осталось от отряда ищущих вход в Шамбалу. Мужиков, что шли договариваться с местными, тупо перебили. Что было с женщинами... Немаленькие, сами понимаете, что было. Страшная, не страшная – какая разница, досталось всем. Выжило всего двое. Одна вписалась в местный быт и стала проституткой в борделе. Второй повезло. Через несколько дней сбежала и затерялась в ночной столице.

Вправе ли Алёна была убивать своего насильника?! Да я не спорю, что это вышло случайно, в аффекте, на шоке. Осознанно она, наверное, это не сделала бы. Но одно дело мораль и совсем другое дело обычная жизнь. Хочешь выжить и не быть поиметой, то соответствуй местным.

В конце у Алёны всё вышло нормально. Живёт в столице. К чистым грязь не липнет. Алёна – просто маленькая девочка, не понимающая всей грязной подоплёки жизни. Даст бог, она и впредь будет оставаться такой же. Приютили её старики, портные, мать их так. И ведь всё делали из лучших побуждений...

Мы же с оруженосцем голодали. Он воровал на рынке, чтобы нам было что есть. Ходили по салонам шлюх. Я неод-

нократно проигрывался в кости в пух и прах. Бились на дуэлях и в подворотнях. А однажды я по моей глупой «синей пьяни» случайно влез в убийство второго сына столичного графа. Тупо не то крикнул и не в то время.

В итоге всё вышло не так и плохо. Но тогда, на новой дуэли, я считал себя идиотом. Спасённый стал моим другом. Так-то он не ангел. Ну, что можно сказать хорошего о пижоне и столичном наркомане. Само собой, я не спорю, что он сомнительный друг, но ведь и друзей мы не выбираем. Кто считает, что это не так, то он просто наивный подросток. Поживите подольше – поймёте...

Так вот, к чему я... В том момент со мной рядом уже не было Антеро. Он сбежал на войну. Помнится, я потратил все «нычки» и влез в долги, вытаскивая его за взятку из тюрьмы. Все корни его отсидки тянулись из прошлого, ну того, когда мы по приказу графа убивали на дуэлях заявленных на турнир. Ну, или сам граф нам мстил за то, что мы его кинули...

Мой новый «корефан, кор-сэ Адрус Латьяун, что по-нашему примерно соответствует виконту, ввёл меня в новый мир столицы. Богема, элитные наркоманы и элитные шлюхи, почему-то прозываемые дворянками. Наверное, это было самое счастливое и безмятежное время в моих злоключениях, но всё длилось недолго. За время увеселительных попок я почти влюбился в мелкую дворянку.

Халла выбила у меня из головы Кайю – прежнюю девушку, с которой я по незнанию обычаев случайно помолвился.

Кончилось всё плохо. Халла погибла. Она вырвала у меня кубок с отравленным вином, мотивируя это тем, что я уже пьяный и в постели буду так себе...

Если есть такие слова, такие маты, чтобы высказать, что я тогда чувствовал, то считайте, что я долго матерился. Если вы когда-нибудь вытаскивали рвотные массы из-за щёк бьющихся в конвульсиях, то вы меня поймёте.

Так вот. Со смертью Халлы всё не так просто. Там была целая куча дворян отравлена. Адрус, я, Гумус и ещё один мой корефан выжили – каждый в силу разных причин. Отец Адру-са выслал нас с кор-сэ из столицы в захолустье, подальше от войны. На деле, подальше от отравителей и наркотиков, которыми в последние время сын стал злоупотреблять.

Уже там, в захолустном гарнизоне, спустя несколько месяцев службы до меня дошло письмо, что мой самозванный батюшка «коней двинул». Батя отравлен. Старый барон перед смертью приказал отослать мне письмо. Само письмо было кратким. Суть письма можно свести к одному предложению: «Сумеешь удержать баронство – владей».

Сами подумайте. Реального наследника нет. Старый барон тоже не сам себя отравил. Представляете, какая «кака вылезает», если подумать, кому это выгодно.

Это старый засранец посмеялся из могилы. На деле вышло, что живых бастардов у него нет и не было. Ему просто было любопытно, выживу ли я. Как вы думаете, кому лучше отписать свои земли – постороннему самозванцу или своему

врагу, что в подковёрной борьбе убил его детей, а его самого отравил?!

Так я из липового наследника превратился в официально-го наследника. За неделю добрался лесами до долины баронства и узнал, что баронство осаждает граф, которого я в своё время кинул. С боем прорвались мимо осаждающих ущелье Малого Пути, чему сильно помогли патроны двенадцатого калибра, а точнее четырнадцать патронов из семнадцати.

Потом я повесил парламентёра от графа, не кого-нибудь, а целого барона. Сделал я это не по прихоти, а потому что так надо было сделать. Я «обрубил концы» для тех, кто сомневался – держать ли оборону долины или сдаться завоевателям и лизать им ноги.

Правда, после этого мне пришлось подавлять начало «маленького Декабрьского восстания рыцарей». Сейчас это просто говорится. Подавил восстание. А тогда мне было совсем не до смеха. Жизнь реально висела на нитке. Чуть промедлил бы, то рыцари купили бы себе жизни, сдав меня войскам графа. Однако я успел обезглавить восстание.

Отбивал штурмы на стену. Думал, что нам конец, но и тут выкрутился. Впрочем, нам удалось это дорогой ценой. Если бы не орки, чей рейд рядом отирался и ждал, пока люди друг друга изматывают, то не факт, что я был бы жив.

После этого у меня были сложные переговоры с рейдом орков. Они шли дограбить то, что останется от нашей грыз-ни с графом, но я им предложил другой вариант. Пограбить

то, что давно орки не грабили, – земли самого графа. Учитывая то, что войска графа временно разбиты и рассеяны, то это более жирный кусок. Я же со своей стороны заявил, что беспрепятственно пропущу рейд через земли долины, чтобы им не терять пять дней в обход гор.

Само собой, орки шли через долину малыми группами. Не думаю, что для орков был секрет, почему их вожди вместе со мной ждали выхода рейда из долины. Случись что с их стороны, то вождям конец. Случись что с вождями с моей стороны, то и людям в долине конец.

После штурмов долины наши силы были сильно обескровлены, мы бы долину не удержали. Кто бы знал, каких усилий мне стоило уговорить своих подчинённых не бросаться с пеной у рта на орков. Не любят их тут, что, впрочем, взаимно. Старых счётов у рас накопилось преизрядно.

Думаете, так просто забыть, что у тебя мать сожгли в избе. Или то, что отца заставили бегать, и наматывать кишки вокруг дерева. Такое не прощается и не забываться. С другой стороны – люди ничуть не лучше.

Думаете, только орки насилуют девушек? А как насчёт того, что солдатне пофиг на кого взлезть?! Мешок на голову и вполне уже симпатичная. Про другие людские подвиги я лучше умолчу. Ещё непонятно, кто страшнее в издевательствах и пытках, люди или орки.

В любом случае мне удалось каким-то чудом удержать свои самые буйные головы от лишнего. Не последнюю роль

сыграло то, что возглавить мятеж против моих приказов некому было.

Ну, как сказать некому. Два мятежника из семерых пережили оба штурма, несмотря на то, что я остатки зачинщиков ставил на самые опасные участки в качестве штрафников. Рядом с бывшими мятежниками постоянно маячил Хелми с его доверенными, приставленными к рыцарям. Чуть что – и мне бы весть подали. Или успокоили бы арбалетным болтом в затылок без лишних разговоров. По крайней мере, я на это намекнул в разговоре с Хелми. Поманил рыцарским статусом, когда сам официально стану бароном...

Это краткая история моей жизни в мире Раян.

Ах да! Совсем забыл... Я Влад, местные зовут Ваден. Был кор, потом стал кор-э, претендентом на баронство. Пока не доеду до короля, то просто кор-э, а не барон. В прошлом менеджер, сменивший десяток контор из-за любви иметь приработок. В ещё более древнем прошлом реконструктор. Хотя на заре девяностых такого понятия и не было. Были дивные, толкинисты, рекоры и отморозки, они же файтеры.

Есть вопросы по файтерам? Читайте «Сказки Тёмного леса», но запаситесь валидолом. Я на фоне моих побратимов ещё не самый яркий отморозок...

Часть первая

Дурак во власти

Глава 1

О сладком слове «трофеи», или Как я вступал в наследство

Я стоял у второй башни, башни с воротами, и не находил слов, чтобы высказаться. Материться по-русски на местных – не имеет смысла, только пугаю их без толку. В местном языке нет таких слов, которые я хотел бы озвучить.

Ну, вы меня тоже поймите. Прошло четыре дня после последнего штурма, надеюсь последнего, а не крайнего, а воз и ныне там.

Если кратко, по ситуации, то она тревожная. Более того, опасная. По моему договору с дикими расами, негласно мы – союзники. Но кто знает, как всё повернётся. В окрестностях стены до сих пор бродят остатки недобитков сил графа. Да и про племена орков, с которыми у нас нет союза, забывать не стоит. Союз с отдельными племенами – это далеко не мир со всей расой.

Хер бы там² я уехал от стены, пока не почувствовал, что моя жопа прикрыта, но мне пришлось сопровождать своих союзников-орков в проезде через долину. Боялся, что они не станут соблюдать договорённости. Боялся, что мои парни сорвутся на гостях долины. Боялся вообще любого пука и шороха.

На сопровождение мелких отрядов орков по своей территории ушло три дня. Большую часть времени я был при вождях племён. Само собой пили, но особо выпивкой не увлекались. У них впереди набег – им не до выпивки, а у меня постоянно попка делала жим-жим от мысли, что орки на жителей долины окрысятся.

В общем, пронесло. Орки прошли скорым маршем через долину и, по примерным прикидкам, опередили на шесть дней остатки графских войск. Наверняка на волне внезапности орки взяли без особых потерь парочку замков баронов. Всё до банальности просто. Предполагаю, что обленившиеся дружинники проспали штурмы, а гонцы о поражении не успели с вестями.

Пока бароны графа успеют собрать свои разрозненные силы после неудавшихся штурмов. Пока пригонят остатки своих войск домой. Пока по графству соберут кулак для ответки. В общем, орки успеют удрать обратно. Со своей стороны, я им в этом негласно помогу, пропущу обратно через ущелье

² Хер – одна из букв в алфавите до октябрьской революции. Слово «похерить» в первоначальном смысле означало перечеркнуть лист договора крестом.

Малого Пути...

Так вот, к чему это я? По возвращению к стене я охренел от интеллекта моих парней. Ну, спрашивается, чего парням стоило взять и проявить разумную инициативу. Так нет же. Образ мышления тут другой. Средневековье. Я маленький человек, я отвечаю только за положенное мне. Считайте, что я опять долго матерился...

У меня после восстания рыцарей и штурмов жёсткий кадровый голод по всем уровням, от высшего командного уровня и до рядового состава. Но я не думал, что у меня такая глобальная проблема с подданными.

Впрочем, ситуация у стены – отчасти моя вина. Всех более-менее ценных кадров я забрал на сопровождение рейда орков. Я до последнего боялся, что несмотря на все страховочные меры, дикие расы начнут резню населения долины. Как я при такой паранойе мог у стены оставить любого, кто умеет не только слушать приказы, но и своей «тыковкой думать»?

Я тогда думал, что десятники, хорошо себя проявившие в боях, усиленные двумя дополнительными десятками дружинников и сотней ополчения, сумеют в случае чего удержать стену до подхода подмоги. На деле всё оказалось не совсем так.

Я до сих пор уверен, что в случае набега Брок и Стиг – десятники, пользующиеся авторитетом у своих, удержали бы сутки стену но в остальном они меня расстроили. Военные

косточки – привыкли отвечать только за свои десятки и основную поставленную задачу. Мозгов у них не хватает, чтобы проявить разумную инициативу.

Парни молодцы в пределах своих званий. Каждый ополченец щеголяет в трофейных доспехах. У некоторых эти доспехи подогнаны по фигуре или, что более реально, просто подобрали доспехи по фигуре. Караулы не спали на постах. Брок и Стиг устроили разъездные патрули и секреты по ту сторону стены. Военные, что от них ещё ожидать.

Парни подвели в другом, они тупо не умеют мыслить дальше горизонта своих привычек и обязанностей. Прошло уже четыре дня после крайнего штурма, а трофеи до сих пор не убраны. Конечно, основные котирующиеся предметы давно собраны, но ведь это далеко не всё. Обобрать трупы от всего, покойникам не нужного, это же далеко не всё. Доспехи, оружие, снасти для штурма стены, ну там всякие верёвки и прочее – было свалено в отдельные кучи рядом с воротами. Они в другом облажались.

Таран, штурмовые лестницы, а также часть катапульт мои архаровцы сожгли. Ещё раз! Осадные машины уничтожены! Я, блин, понимаю, что оставлять перед стеной такие девайсы не есть гуд, но сжигать-то зачем? Такие штуки самим в хозяйстве пригодятся, а они поступили по самому нелепому.

Из всех осадных трофеев, по случаю, уцелели только две катапульты и осадная лестница на передвижном вагончике, поднимаемая за счёт рычагов.

Катапульты, когда их заташат на нашу сторону стены, я хотел использовать для посылки подарков через стену. Но вышел облом. Мои башни заняты своими малыми катапультами. Куда эти ставить, даже не представляю. Трофейные катапульты с земли по высокой дуге кидать камни не могут. Выходит, зря я матерился на десятников. Бесполезные для нас эти штуки – катапульты. Своих малых катапульти на башнях хватает.

Единственный уцелевший осадный вагон с лестницей тоже некуда было пристроить. В общем, я приказал отогнать в глубь долины эти инженерные сооружения. Как говорится, в хозяйстве всё пригодится, но пока непонятно, куда это пригодится.

После возни с бесполезными механизмами я поднялся на стену. Со стены я узрел очередные «затупы» моих парней. Поле битвы вроде как ободрано от самого ценного, но сами трупы так и гниют на поле. Свои парни вроде как похоронены, как и павшие орки, а вот люди графа так и лежат неубранные.

Ещё раз! Трупы пришлых лежат непогребённые! Мне только чумы для полного счастья не хватает. Пришлось отправлять похоронные команды копать ямы и стаскивать в них покойников.

К тому же со стены видно, что в отдалении до сих пор стоят шатры и палатки двух из четырёх лагерей. Что за дела? Эти лагеря что, до сих пор не разграблены? При орках мы,

понятное дело, так далеко от стены не выбирались. Боялись злить союзников, тем, что роется в их добыче. Сейчас же, когда они ушли, бросив им ненужное, сам бог велел заняться сбором трофеев.

Насчёт богатых трофеев я не обольщался. Орки наверняка разграбили все лагеря, взяв всё самое ценное. Но стопудово они взяли не всё. Бросили им ненужное, рассчитывая на более богатую добычу.

Кто не понял, поясню. Даже ткань шатров – это не мелочи. Тут ткань крайне дорогое удовольствие. Если мне самому шатёр вроде как не нужен, то это не повод не загнать ненужное кому-либо при случае.

Вылазка в недограбленные лагеря меня несколько расстроила. Брать тут было не особо много чего. В лагере преобладали шалаши из веток, гораздо реже встречались палатки из грубой кожи – по сути тенты, закреплённые кольями к земле. Были, правда, с десятков небольших шатров из одноцветной ткани, цилиндры с наверху конуса. Такие штуки два метра в высоту и три метра в диаметре. Шатры рыцарей, не иначе. А ещё было три объёмных шатра из кусков разноцветных тканей, диаметром около шести метров. Один шатёр даже более богатый, чем шатёр якобы моего отца.

Впрочем, я бы не стал называть эти шатры целыми. По усмешке судьбы, два самых дорогих шатра зияли огромными дырами в стенках. Какая-то сволочь вырезала от стенок громадные куски ткани. Мне невольно вспомнилось, что я

видел у некоторых своих людей немного торчавшие из-под доспехов ткани подобных расцветок.

– Стиг. Мне плевать, что тут было. Что взяли в шатрах, то взяли, – понемногу начал я заводиться, глядя на вандализм своих подчинённых. – Слушай приказ. Все, кто срезал от шатров ткань... Берут эту ткань и пришивают обратно! Не слышу ответа! Ты меня понял?! За шатры спрошу отдельно! И не дай бог, всё будет криво пришито! Чтобы шатры были лучше, чем новые! Ты меня понял?!

Десятник что-то промямлил в ответ, что будет сделано. Не иначе он в этот момент рожал ежа. Только после этого я начал понемногу остывать. Придумали, блин, «мишки кала», трофеи портить.

Так-то, с точки зрения простых вояк, всё сделано правильно. Свои парни щеголяют в обновках, своим парням хорошо, а на остальных положить с большим прибором. Я отлично понимаю, что это главное правило любой службы, но ведь теперь это всё моё. Это получается, меня на каркалыгу кинули. Пускай теперь исправляют свой косяк.

Кто служил, тот без пояснений меня поймёт. Тому, кого это миновало, поясню. Вина парней не в том, что они присвоили что-то не своё. Их вина в том, что они попались. Кто им мешал скрыть улики своего вандализма. Так я бы ничего и не узнал. Ну, сожгли бы шатры. Ну, срезали бы всю ткань под ноль. Но они тупанули. Сами протупили, пусть теперь

отвечают.

– Чтобы эти шатры были лучше новых! Как вы это сделаете, меня не волнует! Запомни! – повторил я. – Забирайте шатры и палатки из кожи, стульчаки, сундуки, посуду и всё, что можно отремонтировать. Берите всё, что можно продать или использовать. Не мне вас учить. Берите всё. Потом разберёмся, нужно это или нет. Остальное сжечь...

После разборок с трофеями и трупами на поле у меня начался настоящий геморрой. Мне ещё два дня назад пришло письмо от мастеровых, что ворота вроде как есть, но по факту их нет. Издали кажется, что ворота несокрушимы, но это только до того момента, пока в них носом не уткнёшься.

Сразу после последнего штурма всем было совсем не до починки ворот. Так, наскоро подлатали. Когда я в несколько этапов сопровождал рейд орков через долину, пришлось отправлять мастеровых людей на основательную починку, но...

Кратко: ворота фикция, сделаны второпях из гнилых досок. Мастеровые разводят руками, но тут от них мало что зависит. Из селёдки не получится ягнёнок на вкус. Давай хороший брус на ворота – и «всё будет в ажуре». Нет бруса, получай «на выхлопе» то, что имеешь.

Можно качать права и рычать, что ты феодал, а они быдло, но это проблемы не решит. Как не решит проблемы в случае серьёзного штурма – это подобие ворот. Все всё понимают, не маленькие, но ничего поделать не могут.

Вроде бы что тут сложного, лес кругом, бери и пили доски, но не всё так просто. На хорошие доски, а не то что брус, идут не какие-либо деревья, а строго определённого вида. Деревья транспортируют на лесопилку, пилят и сушат только в тени, чтобы трещины по доскам или брусу не пошли. В общем, есть технологические тонкости при обработке. Естественно, что в запасниках родины излишка нужных материалов нет. Ты тут старший, у тебя голова большая – ты и выкручивайся.

А я от безнадёги и выкрутился по самому тупому варианту. Просто согнал ещё сотню ополчения дополнительно к сотне, что патрулирует на стене, и приказал окапываться от забора и до обеда.

А вот не фиг. Думаете, мне простых работяг не жалко? Мне их именно жалко, лучше сейчас пот, чем потом кровь. Я зол на мастеровых, хотя не на всех мастеровых, а только на их старшего. Признаться, меня сильно взбесил старший бригады ремонтников. Мужик средних лет. То, что он профессионал, я не буду спорить, но как он нагло держался, скотина. Смотрел на меня, как будто я зачуханный папуас и ничего не понимаю в его кухне. Так что не подумайте, что акция с закапыванием ворот – это проявление моего садизма.

Ворота, если что, не просто закопали, а сначала установили три ряда стен из булыжников и скрепили их на известняковый раствор. После трёх рядов камней я немного успокоился и приказал засыпать эти стены землёй. Подпёрли стен-

ки земляной засыпкой, и на этом проблема временно была разрешена.

Пускай работяги благодарят старшего в бригаде ремонтников. Я понимаю, что ворота починить геморрой, но с ремонтом флейты он зря себе цену набивал. Кто не в курсе, флейта – это стальная поднимающаяся решётка. Эту решётку они не чинили, потому что её якобы починить не могут. Застряла в пазах башни, и, по их словам, хрен её теперь вообще починишь.

Во, блин, заявления! Если я, далеко не кузнец, примерно представляю, как ремонт можно устроить, то местным же «сам бог велел временами шевелить извилинами. Суки, цену себе набивают! Но я тоже не вчера родился. Велел всё закопать и хрен с ними, с этими ремонтными работами.

Наутро, по случаю окончания земляных работ, я даже расщедрился. Проставился от доброты баронской души несколькими бочонками пива, всем, кто принимал участие в работах. Хотя какая тут доброта. Я же не просто так слегка подпоил обозлённых тяжёлой работой мужиков.

Я, так сказать, случайно обмолвился самым авторитетным и неглупым, из-за чьих кривых рук они так впухли на тяжёлую работу. В чём-то намекнул, про сложную политическую обстановку и хреновый ремонт, а дальше всё произошло и без моего участия.

Сами понимаете, что теперь мастеровым ещё долго ходить с распухшими рожами. И это я ещё корректно умолчал, что,

когда орки вернутся, эти земляные работы надо будет рушить, а после заново всё зарывать.

Признаюсь, на начало земляных работ у меня мелькала мысль спустить рейд диких рас со стены на верёвках. Но потом вспомнил про ездовых быков и трофеи и долго мысленно матерился. Блин, как говорится, нет ничего более вечного, чем что-либо временное. Это я к тому, что кривые руки мастеров меня нагрузили кучей головняков.

Расслабиться после инспекции стены мне не удалось. Хотя врать не буду, на то моя воля. После аврала с воротами я охреневал от посещения своих владений. Короче, я делал ревизию того, что мне принадлежит. Под это дело я специально отправил людей в замок за юридическими бумагами и за Коимом – управляющим в замке.

Коим мне необходим. Он, конечно, земельными вопросами не занимался – этим занимался старый барон сам лично, но и без него мне тоже никак. Как бы это сказать. Я в местных законах, обычаях, традициях мало что понимаю. Местные писульки вообще ни хрена не понимаю. Тут же вот в чем дело. Местная письменность – это смесь иероглифов, рун и каких-то пиктограмм, то есть ни фи́га не фонетическое письмо.

С одной стороны, мне нужен местный, чтобы давал дельные советы. С другой стороны, мне нужен человек, чтобы зачитывал то, что до меня тут понаписали. Вот и приходится

с показным умным видом вникать в то, что зачитывают мне. Втайне я боялся, что Коим мне не то поначитает. Как-никак, денежные вопросы решаем, а при таких соблазнах любой хороший управляющий может скурвиться.

Я, конечно, тоже не совсем лопух, есть у меня страховка от прямого обмана. Стараюсь самое важное записывать дубляжом по-русски. При случае не поленюсь перепроверить зачитанное мне с другим грамотеем. Буду сверяться с записями дубляжа. Однако всё равно, это не абсолютная гарантия – самому надо грамоту осваивать.

На объезд долины у меня ушло три дня. Я между делом подарил два восстановленных шатра своим рыцарям, Озлур кор-э Бобровый Ручей и Марвук кор-э Стена. Конечно, им вроде как не по статусу жить в баронских шатрах, но как они ими распорядятся – не моё дело. Важно внимание. Они службой эту привилегию заслужили. Подарил, и самому на душе приятно, как будто сам подарок получил.

В остальном приятного от объезда моих владений было мало. Конечно, осмотр долины можно было сделать гораздо быстрее, но я старался вникнуть во все мелочи. Разговаривал с крестьянами. Смотрел в опустевшие глаза родичей, тех, у кого защищавшие долину мужики не вернулись.

Сейчас я, по идее, должен вам что-то красиво соврать, что в деревнях все на меня смотрели как на бога на земле, светило солнышко и слезы превращались в улыбки. «Сам барин

пожаловал, теперь всё будет хорошо». Ага, коленвал мне с проворотом в зад, если бы всё было так.

Собственно, из-за большого числа убитых мужиков у меня на одну глобальную проблему больше. Вы хоть представляете, какая задница начинается при посевной?!

По идее, по местным законам и обычаям, я вдовам и сиротам ничем не обязан. Ну, максимум могу освободить от налогов на время. Уже за это мне все будут благодарны, но я-то не местный. Я по-другому всё воспринимаю. Я не представляю, как беременная баба с выводком мелких спиногрызов с плугом может управиться.

В общем, надо будет на днях пораскинуть мозгами, что тут можно сделать. Слава богу, что на раздумья у меня ещё есть время. Посевная хоть и скоро, но и не в ближайшие недели.

Кто-то сейчас прослезился и подумал, что я весь такой правильный и сентиментальный. Ну, как сказать. Тут тоже всё неоднозначно. Я временами бываю такой скотиной, что лучше бы вы не знали. А тут прагматизм и остатки совести совместно меня грызут. Если кто не понял, в чём прагматизм, то я пояснять не буду. Не маленькие. Сами должны видеть несколько прагматичных аспектов сентиментальных поступков.

Впрочем, на себя наговаривать особо тоже не буду. Мне стыдно за такие большие потери. Пусть даже в этом нет моей вины. Слишком много к нам гостей пожаловало. Взяли

бы долину на меч. Бабы большей частью, думаю, уцелели бы. Хоть и помятыми. Совсем другие расклады для мужиков и ребятни из тех, кто дорос до чеки тележной³. Не дети. Должны понимать. Тут так принято.

Ладно, в сторону сопли про вдов и сирот. Расскажу лучше про то, от чего у меня голова распухла и взорвалась. Для начала краткий ликбез. Баронство богато населением. По последней переписи, до штурмов было более двух с половиной тысяч только крестьян. И это не считая ремесленников и дружины. Целых одиннадцать деревень. Если кто не понял, то это крайне некисло для пограничного баронства.

Меня сейчас должна распирать жаба от осознания своей значимости, но не всё так радужно. В шести довольно крупных деревнях по местным нормам живут неплохо. Свой скот, птица, крепкие хозяйства. Живи и радуйся, если бы не постоянная тревога, что с первым же серьёзным набегом это всё пеплом покроется. Ещё одна деревушка – живёт приемлемо.

От посещения остальных четырёх деревень я, мягко говоря... Был не в самых хороших впечатлениях. Впечатления были херовые. Там, можно сказать, последний уй без соли едят. Я даже поначалу хотел устроить взбучку своим вассалам, но вовремя опомнился. Мне что, до кучи, второй волны декабристов не хватает?!

Тут так заведено: «Вассал моего вассала – не мой вассал».

³ Имеются в виду дети пяти-семи лет.

Я волен решать что-то только со своими данниками, подчинёнными и рыцарями. За вассалов – моих рыцарей я не только не держу ответ, но и не вправе гнобить рыцарей за хреновое ведение хозяйств в их деревнях. Местные меня в этом просто не поймут. Рубить же шашкой каждого, кто привык жить по обычаям их предков, крайне глупо. Фиг с ним, что орков через долину пропустил. Тут большинство понимает, что выбора особого и не было. И совсем другое дело, когда я в период краткого затишья начну свои порядки заводить, идущие вразрез с местным «Домостроем».

Был такой император, Павел Первый. За четыре года своего правления много умного сделал, хотя и херни, конечно, наворотил. И где он сейчас? Убит табакеркой в висок. Заговорщиков возглавлял его сын Сашка Первый, который охренел, что батя сдох. Ему же обещали, что крови не будет.

А за день до этого в Англии вышла газетка, что Павел Первый мёртв, переворот. В Лондоне, куда по морю минимум две недели плыть... А дурачок Сашка Первый всю жизнь мучился совестью, что он отцеубийца. Грех, за который прощения нет. Самоубийц просто вне кладбища хоронят, и они автоматически в аду. А тут такой косяк, что самоубийцы – пушистые котятки по сравнению с кучей говна...

После этого этот клоун навязал свой план (с советами от австрийцев) на план Аустерлица. Кутузов, который ничего не решал в битве, принял на себя весь позор поражения. Весь Запад кричал о гениальности Наполеона, выигравшего при

противостоянии сил один к трём.

После, когда в восемьсот двенадцатом Наполеон отступал за Березину, которую ещё льды не сковали, всё свалили на ужасные морозы. Его папашу, Пашку-реформатора, за меньшие косяки убили...

В общем, хотелось кое-кому прописать в зубы, причём с ноги. Но нельзя. Моя власть – пока фикция и на этом же местном «Домострое» стоит. Нельзя рубить сук, на котором сидишь. Если ты живёшь среди людей, которые «живут по понятиям, то нельзя по прихоти на эти понятия с прибором класть. При таких попытках любой тебя втихаря задавит, даже если ты «пахан». Не низы, так второй или третий после тебя, тихо «приговорят».

Ну, нет пока за мной достаточного количества людей, чтобы за всем уследить. Будет костяк людей, на которых можно опереться, тогда и реформы будут...

В общем, я не стал рубить с плеча. Морщился от нищеты и уезжал дальше. Даже в дома не стал заходить. Мне и по внешним видам подворий было всё понятно. Единственное, что я мог, это обещать самому себе, что это временно. Обещал себе и старался гнать от себя мысль, что «нет ничего более вечного, чем что-либо временное».

Признаться, самым сильным моим желанием во время объезда баронства было просто и тупо нажраться. Я бы пояснил, но большинство не догонят мои загоны. Также боль-

шинство не поймёт и то, почему я не нажрался. Да мне, если честно, и некогда было. Это Адрус, скотина, уже второй день не просыхает. Сынку графа можно, а мне пока нельзя расслабить булки.

Минуло уже пять дней, как орки покинули долину, а мне всё некогда основательно горло промочить. Как правильно говорил Антеро: «Взять это одно, а удержать другое».

Глава 2

О том, что всё новое. начинается со старого

Я погряз в бумагах. Ладно, если бы я умел читать на местном, но обломингес. Я многое не понимал. Хотя даже того, что я понял, хватило на разрыв всех шаблонов о средневековье.

По факту, мне принадлежат только четыре деревни. Остальные вроде как отданы в лен моим вассалам – рыцарям. Им же надо на что-то жить и свои дружины содержать. Шесть деревень ещё куда ни шло. Столько рыцарей, не считая их сыновей, было. Седьмая деревенька принадлежала Элбу, корешу старого барона ещё по службе в гвардии.

Уже только с этой ситуацией, о сдаче другу в лен деревеньки, куча непонятного. От вопроса: «За какие заслуги?» И до интригующего: «А куда он столько денег девал?» Селяне за пользование землёй ему платили нехило. Своих дружинников Элба не имел. Крупных расходов у него не было. Нищий богачей на мешках с серебром?

Впрочем, не это главное. По нашим самым приблизительным подсчётам с Коимом, за такое количество народа и деревень мой самозванный батюшка должен был разориться на налогах королю.

Если кто думает, что дворяне в средневековье налоги не платили, то мне с вас даже не смешно. Что там дворяне, священники налоги платили и не только католическим папам. В некоторые времена и в некоторых странах духовенство платило налоги даже своим прямым сюзеренам, а не только герцогам или королям.

В общем, мы с Коимом себе всю голову сломали, считая, сколько батя платил бы в прежние годы. И сколько по натуре должен был бы я заплатить.

Я уже как-то говорил, что мой самозванный батюшка был большим придумщиком и не только контрабандистом, но и злостным уклонистом от налогов. Однако масштабы его афер нас поразили.

Именно нас. Коим тоже был не в курсе многих финансовых проблем. Если что, то Коим отвечал только за мелкие финансовые вопросы. Да и то только те вопросы, что касались быта самого замка. Налоги, земельные вопросы, вопросы контрабанды – барон никому не доверял. Записи вёл крайне хреново. Агир, наверно, полагался на память или имел чёрную бухгалтерию, которую мы, к сожалению, не нашли.

* * *

Два дня я пытался уместить в своей голове цифры. Налоги, что должны мне. Налоги, что я должен королю. Тихо

сходил с ума. Я не совсем наивный мальчик и кое-что понимаю, но не до такой же степени. Я понимаю, что все дворяне так или иначе занижают цифры своих данников. Понимаю, что если человек по бумагам официально заявлен должником сюзерену, то пока он не выплатит долг, то с него не берут подушный (поголовный) налог королю. Таких же крестьян в долине большинство. Мне другое непонятно.

Подушный налог, как оказывается, это вообще мизер на фоне остальных налогов. Есть налоги за дым, аналог земных налогов. Подати крестьян как непосредственному сеньору, так и королю за каждую дымовую трубу. Есть крестьянские налоги за владение скотом, платятся только своему сеньору. Есть налоги только сюзерену и за которые он не отчитывается королевским службам вроде таких, как за топтание земли, акцизы за соль и пшено, вырубка лесов и прочие. Есть дворянские налоги своему сюзерену, в моем случае напрямую королевским службам: за рудники, за строения, за каждую деревню.

Даже этого краткого перечисления налогов, что старый барон должен был королевским службам, уже с излишком хватает, чтобы разориться. Так что после всех подсчётов я пришёл к единственному верному ответу на свои вопросы. У старого барона не всё было заявлено в бухгалтерию королю.

До кого не дошло, поясню. Одно дело официально уходить от налогов по серым схемам и совсем другое дело скрывать свои доходы. Когда я дошёл до этой мысли... Обка-

тал мысль... То невольно вспомнил слухи о нелепых смертях нескольких мытарей⁴, покинувших Лунную долину. Судя по всему, эти правдорубы слишком глубоко копали. Походу, они как-то узнали, что не всё в налоговых бумагах заявлено. Видать, и мне таким способом придётся решать проблемы со слишком любопытными налоговиками. Не мной начато – не мной и закончится.

Потом я как-то неожиданно для себя вспомнил, что в мой первый день в долине нас с Антеро сопровождал Коим и болтал как сорока. Тогда он между делом выболтал, что в долине одиннадцать деревень. Почему-то я сейчас это вспомнил. Почему-то это воспоминание не оставляло меня. Я не сразу понял, в чём подвох.

Сейчас, когда я лучше знаю Коима, то понимаю, что он не тот человек, что будет болтать без передыха. Понимание его развязности на язык пришло только через несколько минут. Но свои подозрения требовалось проверить.

– Коима ко мне живо! – крикнул я в коридор часовым. – Да! И вина, что ли, пусть принесут... – уже вдогонку кричал я.

Вино, как ни странно, успели подать раньше появления управляющего. Какая-то малолетка, навскидку около четырнадцати, неловко внесла поднос с бутылкой и серебряным

⁴ Мытарь – сборщик налогов. В русском языке слово произошло от слова «мучка, мучения».

кубком. Странно, что я её раньше не видел в замке. Новенькая?

Скорее всего новенькая, если судить по тому, как она неумело пытается вскрыть бутылку, но при этом не забывает коситься на меня. Мне это кажется, или она мне пытается строить глазки. Робко улыбается. Ладно, буду считать, что мне показалось.

– Иди уже отсюда. Сам открою, – не выдержал я в какой-то момент. Отобрал бутылку.

Именно сам открою бутылку. В последнее время меня не отпускает паранойя на предмет отравлений. Что-то мне тревожно от одного взгляда на новенькую. «Слишком нервная и неопытная девица. Новенькая. Идеальный исполнитель».

Те, кто со мной в последнее время общается в замке, хорошо знают, что вино я теперь пью только из неоткрытых бутылок. Причём настолько неоткрытых, чтобы с первого взгляда было видно вскрытие. Короче, пью только вино из бутылок с заплесневевшими, старыми пробками. Так меньше шансов недоброжелателю что-то добавить в вино, а вовсе не потому, что я глубокий ценитель вин. Впрочем, одно другому не мешает.

Опять же, сейчас я сам стал вскрывать бутылку вовсе не потому, что так охота скорее горло промочить. Я её не знаю, а это рождает массу подозрений. Сам вскрывая бутылку, я могу увидеть, есть ли какие-либо посторонние следы на пробке.

В общем, я отобрал бутылку у девицы и повторно послал её подальше, гораздо более грубыми словами. Что вы хотите? Предъявить мне за брань? Поймите меня. Нервы сдают и потенциальная отравительница.

Девушка на мои слова покраснела, сделала какой-то нелепый поклон и, не разгибаясь, начала пятиться к двери. Поэтому неудивительно, что она столкнулась в дверях с лысеющим мужиком за сорок.

– Вон отсюда, дура! – вскрикнул мужик и смутился. – Простите, ваша милость⁵. Племянница. Только в замок взял. Ещё неопытная.

Мне это показалось, или он пытался выделить интонациями «неопытная». Он что, под меня её подложить хочет?! Ну да, хочет. Вон как на племянницу сурово посмотрел, когда девчушка прошмыгнула в двери.

– Ты-то сам кто? – пресёк я мысленные внушения мужика к его креатуре. Делать мне больше нечего, как смотреть на мужика, метającego гневные взгляды на девушку.

– Ваша милость. Хелрик я. За хозяйство тут отвечаю. – торопливо протараторил мужик, чем ввёл меня ненадолго в когнитивный диссонанс.

– А Коим тогда за что отвечает? – поспешил я пресечь словоблудие мужика.

⁵ Ваша милость – обращение к барону; ваша светлость – к графу; ваше сиятельство – к герцогу; ваше высочество – к суверенному герцогу; ваше величество – к суверену, обладающему королевскими званиями.

– Коим тоже на хозяйстве, – замялся лысеющий. – Он больше по снабжению, а я, ваша милость, на всё горазд. Кухня на мне, стол на мне, обслуга на мне. Вы только скажите, что вам не нравится! Я их быстро вожжами отучу. У меня не забалуют!

Ну, всё понятно. Вместо Коима вызвали этого лысеющего хоряка. Взгляд его мне не нравится. Какой-то бегающий взгляд. Глазки маленькие, чуть заплывшие жиром. Сам он не то чтобы жирный, но заплывший жирком. Мне даже отчасти смешно смотреть на него. Хелрик пытается раздувать щеки. Пытается быть одновременно и важным, и раболепным.

Всё понятно. Власть сменилась, и самые ушлые пытаются занять место потеплее, оклеветать и сместить бывших фаворитов. Не удивлюсь, если этот подобострастный «пухлик» сейчас мне начнёт петь песни о том, как Коим плохо ведёт дела, да и вообще будет набиваться в друзья.

– А уж ваш батюшка как меня ценил... – словно отвечая на мои мысли, завёлся пухлик. – Он мне не раз говорил: один ты у меня, Хелрик... знаешь, чего я хочу... Ваша милость, мечтаю...

– Ты подожди с мечтами! – рывкнул я на мужика.

Всё с ним понятно. Карьерист. В общем, такая сволочь, что при случае легко переметнётся на другую сторону. Чем-то он мне напоминал хохла прапорщика, стелющегося перед начальством. Глазками так и пучит от усердия, куцыми усиками над верхней губой шевелит, сам стоит чуть ли не на-

вытяжку. В другое время я послал бы подобного типа куда подальше. Не выношу подхалимов. Но сейчас у меня не та ситуация. Надо работать с теми, кто есть. Карьерист – это не только потенциальный предатель, но временами такая полезная сволочь, что их тоже надо ценить. Конечно, если ты сам начальник, а не его соперник. Впрочем, за карьеристами и пригляд постоянный нужен. Плюсы их исполнительности перекрывают минус их ненадёжности.

– Читать умеешь?! – рывкнул я на замершего Хелрика.

– Да, ваша милость... – проямлил он и попытался что-то продолжить, но я его прервал.

– Что ещё умеешь?

– Да я... Ваша милость! Всё могу! – начал распушать перья Хелрик, но заткнулся от моих слов.

– Ну да! Конечно! Могу копать, могу не копать, – сгоряча сказал я по-русски, но быстро взял над собой контроль и продолжил на местном языке: – Повернись-ка, дай на тебя посмотреть получше...

Я не знаю, что там творилось в мозгу у лысеющего, но он с некой опаской стал кружить вокруг своей оси. Уж не счёл ли этот блудодей, что мне больше мужские зады импонируют. Вон как испуганно на меня смотрит и, видимо, вспоминает, что я его племянницу выгнал за дверь.

– Достаточно! Сядь... Мне что?! Два раза повторять?! Сядь, я сказал! Вот так! Сиди! Понимаешь?! Какая тебе честь оказана?! Сидишь рядом с бароном! Сиди, я сказал! –

рычал я на мужика, у которого все шаблоны общения со знатью пошли вразнос. Он всё порывался встать, но мялся под моим слегка озверевшим взглядом.

– Так. О чём это я, – мыслил я вслух. – Читать умеешь. Это хорошо. На! – я протянул подхалиму свой кубок. – Пей.

Хелрик с опаской в глазах, но всё же торопливо, залпом выпил.

– Молодец... Мой отец был отравлен. Ты это знаешь... У отца кто-либо пробовал еду на отравления?! Нет! Как беспечно с его стороны... Ты говорил, что ты главный по кухне?! Теперь ты будешь пробовать все блюда, приготовленные мне! Не надо благодарности. Я вижу, как ты рад!

Когда я произносил последние слова, мне было даже в чём-то смешно. С Хелриком сработало старое армейское правило: «Инициатива всегда имеет своего инициатора». Вызвался быть старшим по тарелочкам, так будь им, но не обессудь, если будешь отравлен вместо меня.

Помню, что тогда у меня в мозгу ещё промелькнула мысль, что яды бывают с антидотами, и потому я введу второго проверяющего еды, после этого подхалима. «Бережёного Бог бережёт», но Хелрику об этом совсем не стоит знать. Мне же придётся есть холодную еду, так сказать, издержки правления. Хотя и тут можно извернуться. Я это к тому, что мой взгляд случайно упал на нетопленный камин в кабинете. В общем, есть на чём себе без палева еду разогреть...

– Моего отца ты тоже кормил? – не до конца отойдя от

своих мыслей, тихо спросил я.

– Не уберегли кормильца. Я эту суку... Ваша милость... – начал, поскуливая, глотать слова Хелрик.

– Не кипишуй, – по-русски невольно вырвалось у меня, но я быстро перешёл на местный язык. – Не понял, что я сказал? Да и правильно. Не тебе знать этот язык. Ты пей вино. Я разрешаю. Отныне ты всё будешь пробовать. Цени оказанную тебе честь. Со стола барона будешь есть и пить! Как я сам буду пить?.. Ну не надо. Я с этим сам разберусь. Мне и из бутылки не зазорно выпить в своём замке...

Я отпил из бутылки и понял, что пережал своего карьериста. Он же не дурак и стопудово понимает, что я опустил его до дегустатора. Надо подсластить пилюлю.

– Давай, что ли, чокнемся⁶. Есть такой у меня обычай на родине. Вот так надо делать. Теперь пей. Вот молодец... – за распитием говорил я и видел, что Хелрику мои слова приятны.

– Я смотрю, мужчина ты неглупый. Старательный. Уверен, что тебя ценил мой отец. Да не красней ты так. Я же вижу, что ты толковый, – говорил я, и самому становилось противно от своего вранья.

Старый барон был боевым сотником гвардии и такую крысу мог терпеть только из-за его полезности, но никак не уважать или ценить.

⁶ Чоканье – традиция средневековья, введённая против отравлений. При чоكانье кубками часть вина переливалась в кубок оппонента.

– Ты, смотря, многое на себе несёшь. Не последний человек в замке. Наверное, знаешь про всех в замке. Да не стесняйся ты так. Вижу, что ты умный человек. Я тут недавно, но уже вижу, что с тобой у нас много общего. – в очередной раз соврал я. Самому противно от своего вранья, как будто в чан с дерьмом опустился. – Мне нужно, чтобы ты рассказал мне, кто тут как живёт. Всё ли хорошо, или может кому-то плохо. Кто счастлив, кто в горе. Ты меня понимаешь?! Нет! Сейчас не надо. Завтра расскажешь... И будешь рассказывать мне последние новости каждую неделю. А если что важное, то незамедлительно. Есть у меня такая страсть, как слышать новые истории... Выпьем за дружбу и понимание между нами!

Выпил и самого передёрнуло. Не пошло вино под тухлый тост. Но и вы меня поймите. В новых условиях жизни не стоит отмечать с ходу старые проверенные методы. Старый барон был слишком гордым и уверенным в своих людях, за что и поплатился. Я же не хочу его участи. Поэтому приходится подстраиваться под ситуацию, как бы самому ни было при этом противно от методов. Что тут сказать, не нами начато, не нами и закончится. Институт стукачества в армии был всегда. Как бы сержанты ни пыжились, что они не стукачи, но один фиг стучали только влёт, когда им это было выгодно.

В общем, так за неспешными разговорами мы прикончили бутылку на двоих. Между делом я пробил Хелрика на умение читать. Естественно, сам читать на местном я не умею. Впрочем, это не означает, что я не знаю некоторых

фраз, записанных на местном.

* * *

С Коимом я поговорил только утром. Весь вечер я убил на институт доноса в лице Хелрика. Не спорю, он тварь ещё та, но пока полезен. Другое дело, что за ним пригляд нужен. Такая тварь любого за выгоду продаст. Поэтому нет к нему доверия. Хотя это не означает, что к его словам не надо прислушиваться...

От сторонних шептунов я узнал, что Хелрик под хмельком ударил свою племянницу и вякнул что-то вроде: «Не знаешь, как вести себя с мужчинами!»

А вы как думали?! Думали, что он один у меня такой, на ставке стукача? Я не мой самозванный батя. Верные выводы делать умею.

Так это или нет, что лысеющий дал пощёчину племяннице, уже не важно. Вроде всё сходится с его типажом характера. Под меня свою креатуру пытался подложить подлец. Впрочем, не о том речь...

— Коим. Надо поговорить. — сказал я, как только в кабинете служанка разожгла камин. Весна, но всё равно прохладно в каменных стенах.

— Кор-э Ваден, я понял, в чём мы просчитались с налогами... — начал было управляющий.

– Подожди, Коим, не о налогах речь, – перебил я его. – Помнишь, как я в первый раз приехал в долину через ущелье Малого Пути? Ты тогда много болтал. Говорил, что в долине одиннадцать деревень... Я понимаю, что ты тогда не знал, что отец не платил всех налогов... Я о другом. Что он тебе сказал, когда приказал сопровождать нас с Антеро?!

– Ваша милость... – впервые назвал меня по титулу Коим. До этого было только обращение по имени, если мы одни, а на людях обращение кор-э⁷.

– Коим, что тебе приказал старый барон?! – не дал я увиливать управляющему. – Жду ответа!

Повисла напряжённая пауза. Коим не сразу нашёлся, что ответить.

– Он мне сказал ничего не скрывать и отвечать на все вопросы... Следить за вашей реакцией на слова. Сказать ему, если вы попытаетесь меня купить... Нет, не так. Согласиться на подкуп и потом ему сказать...

– Понятно, – подытожил я. – Можешь идти. Позже расскажешь, что понял по налогам. Иди...

⁷ Кор-э – наследник барона. Те же благородные, что лишены владений, обозначаются различными приставками перед именем (фонетика соблюдена). Кор – безземельный, хорошего происхождения, зачастую сын барона, но может быть и бродячий рыцарь на хорошей должности. Кор-сэ – безземельный зачастую второй и далее сын барона. Квер – временно без надела, второй и далее сын графа. Квер-и – второй и далее сын маркиза или герцога, временно без надела. По женскому титулованию отдельная тема, мне пока самому непонятная. Нередко, чтобы не позорить имена предков в неблагоприятных делах, дворяне упускают приставки к имени или названия своих земель.

Для тех, до кого не дошло, поясню. Не поверил мне тогда мой самозванный батя. Агир Мондегу считал меня двойным, а может, и тройным агентом. Он же меня тогда проверял через Коима на общение с королём или точнее с налоговой короля. Если бы я тогда зацепился словами за количество деревень в долине, то сейчас уже не дышал бы.

Не так прост был мой батя. Ушлый был волк. Но и на старуху бывает проруха. В целом он был неплохим человеком, если учитывать то, как жили его прямые данники. Однако контрабанда и утаивание налогов резко укорачивают жизнь любому, кто может сказать лишнего.

На какое-то время я погрузился в мысли от подтверждения своих ощущений того времени, что моя жизнь на нитке висела. Пронесло, нечего сказать. Таким вот загруженным меня и застал Адрус. Точнее Адрус это для друзей, а так корсэ Адрус Латьяун, второй сын столичного графа.

– Ваден. Ты меня сторонишься?! То едешь куда-то, пропадаешь на неделю. Сейчас ты третий день в замке и всё ещё трезвый?! – пришло это тело под хмельком. Он, походу, ещё и не ложился. – Скучно тут у тебя...

– Ты хоть не нагнетай! Занят я. Знал бы ты, как у меня голова болит от всех этих бумаг, – огрызнулся я. – В общем так. По коням, и поедem охотиться...

– А у тебя есть на кого? Кто из баб будет нас сопровождать?

– А я знаю?! А насчёт сопровождения... То тебе... Не всё

ли равно, кого по ночам пороть? Мне уже рассказали про скрипы кровати каждую ночь из твоей комнаты. Не надое-
ло?! Давай собирайся и поедem. Достало меня... всё тут...

* * *

Охота была так себе. А вы чего другого ожидали от доли-
ны размером полтора дня на день пути. Хищники давно все
выбиты, даже кабанов нет. Есть олени, зайцы, семейство ло-
сей, птица разная, и, наверное, всё на этом. Лесничие гово-
рят, что у гор ещё есть старая рысь, но потомства у неё нет.

Поехали небольшим числом. Я, Адрус, Гумус – мой ору-
женосец, Хелми – парень, что первым присоединился ко
мне при восстании рыцарей, Лорин. Плюс ещё два человека
сопровождения из дружины и трое проводников. Впрочем,
стоит упомянуть и пяток крестьян – загонщиков дичи впе-
реди нас, что будут стоять отдельным лагерем.

Вот ещё что, по поводу лесничих. Одним из трёх наших
проводников был Ниаю, мелкий парень с луком. Ну тот, что
сопровождал нас с Антеро, когда мы ехали в столицу и на-
рвались на орков. Уцелел засранец во время штурмов стены.
Молодец, хоть одна знакомая и приятная мне рожа, ну по
первому посещению долины.

Уже позже на привале, когда горел костёр и мы, не чинясь
регалиями, пили пиво и вино с загонщиками, он мне расска-
зал. Его не было на стене. Он был за стеной. Вёл разведку и

потому в общем замесе не участвовал. Что тут сказать. Выпили, помянули Антеро и Элба.

Под утро к нашему лагерю приехали Озвур кор-э Бобровый Ручей и Марвук кор-э Стена. Я им из замка приказал отправить гонцов с приглашением на охоту. Всё же два рыцаря, на которых я могу безоговорочно положиться. Игнорировать их, себе же вредить. Что тут говорить, опять пить за спокойствие павших. Не лезет поутру, но блин, традиция поминания павших. Хрен откажешься, хоть и не лезет.

Так что неудивительно, что охота не задалась. Мы с Адрусом просрали выгнанного на нас оленя. Скакали ему вслед и матерились. Гумус мазал из арбалета по тушке загнанного оленя. Всё никак не мог попасть. Я буду не я, если не найду тебе хорошего учителя по стрельбе и вообще по бою на оружии. Ты уж меня прости, но сейчас твоим обучением я заниматься не могу У самого иногда времени на сон не хватает.

Вечером я дал маху с точки зрения средневековых традиций и менталитета. Я учудил и сам стал разводить костёр. Послал загонщиков далеко на местном мате. Сам рубил дерево. Сам высекал огонь. Сам резал мясо. Не принято тут такое. Варины ручки не пачкают, но я, блин, такой неправильный наследник барона.

Сам понимаю, что не надо выделяться из традиций, но вы меня тоже поймите. Достало меня всё. Я свободы хочу, но где она свобода? Пока я странствовал с Антеро, был более свободен, чем сейчас. Да, спору нет, иногда нам нечего было

есть, и я боялся за свою жизнь. Что поменялось?! А ничего не поменялось. Я так же боюсь за свою жизнь, с той разницей, что раньше не боялся быть отравленным...

Да и по поводу мяса. Оленя мы так и не догнали, хотя могли бы. Хищников в долине нет, и эти твари размножаются без естественного стопора на количество, но тогда я пожалел беглеца. Довольствовались глухарём на току. Снег в лесу почти сошёл, и они токуют. Для незнающих поясню, когда глухарь токует – он ничего не слышит.

Птицу щипал Гумус. Я за костром. Адрус пил – скотина такая. Остальные встали двумя лагерями. Рыцари отдельно в трофейном шатре. Загонщики и дружинники вместе под сиянием звёзд над головой...

Уже позже, когда птица была почти прожарена, я послал Гумуса за рыцарями, так сказать, добро пожаловать к нашему костру.

– Кор-э. Кор-сэ. За воинское братство, – поднял тост Марвук кор-э Стена.

Вот упёртый, не признает во мне своего барона до официальной церемонии наследия. С другой стороны, он верен своим клятвам. У этого военного вместо мозга кость, шарики только в войне, а не в интригах, но именно такие мне в первую очередь и нужны. Гордец. По-своему честен и имеет честь. Имеет честь в первом смысле, а не в остальных четырёх смыслах.

– За меткий глаз вашей милости, – это уже Озвур кор-э

Бобровый Ручей.

Это не прогиб под новую власть, он просто такой. В чём-то наивный старик, помешанный на рыцарской чести. Военачальник, по словам мёртвого Элбы – так себе, но верный присяге.

– Опять пить... – пробурчал Адрус, скотина такая. Он уже успел нажраться, и как я подозреваю, это он в кустах шебуршал с рвотными позывами.

– А ты заткнись! Не дорос ещё. Пей, сынок, и не встречай. – это я Гумусу, что восторженно смотрел на наше сообщество и уже собрал воздух в грудь, чтобы ляпнуть что-либо от себя. – Пьём, воины!

Если кто думает, что я не налью своему оруженосцу, то вы хуже фашистов. Как убивать, прикрывая мою спину – он мужчина, а как пить вместе, вы ему отказываете, типа он подросток. К чёрту двойные стандарты. Просто он маленький мужчина. Ему же полбутылки хватает, чтобы окосеть. Вот я и слежу за ним, по мере своих сил, чтобы он не нажрался. Как бы я ни поносил на людях своего оруженосца, но он мой человек. Он не раз спасал мне жизнь. Я буду последней сукой, если что. Вот и отношусь к нему, до определённой грани, как к равному.

Глава 3

О ходоках к вождю пролетариата

Касательно охоты я, наверное, должен что-то красиво со-
врать. Что было прикольно или офигенно приятно. Так вот,
забудьте про враньё. Охота как охота. Посидели у костра уз-
ким кругом. Немного выпили, сами жарили себе мясо. Хотя
в последнем, насчёт узкого круга, я немного соврал. Потом,
когда мы были слегка навеселе, к нам присоединились Ниаю
и Хелми, да и пара-тройка нормальных дружинников.

Как бы, не сочтите меня потрясателем устоев, но охота
сближает. Всегда так было, что верхи не считали зазорным
пить с простыми охотниками. К чёрту лишние слова, скажу
суть. С охоты мы возвращались уставшие, но довольные.

Если тебя догнала лихоимка и скорбь, уйди в одну харю в
леса. Не хватайся за нож. Кому это надо?! Чувствуешь срыв
психики. Уйди в лес, на рыбалку, по грибы, на охоту, да про-
сто на ночёвку. Не надо, парень. Тебе ещё жить. Услышь ме-
ня. Пусть даже если тебя никто в этом не поймёт. Просто
прислушайся... Это я именно тебе говорю. Думаешь, я про-
сто так это пишу. Услышь меня, мой маленький брат...

Замок навесил на меня вериги⁸. Сжимай попку, браток, сейчас пойдут «входящие смс-ки». К замку я подъехал уже трезвым и даже без похмельного синдрома. Отдохнул немного, ну и хватит. Не маленький – цени то, что дано. Не ной, что не всё так, как в твоих розовых мечтах. Коим и Хелрик встречали меня у ворот замка.

– Ваша милость, ваша милость! – запричитал Хелрик. – Вас со вчерашнего просители ожидают...

– Всё потом! – прервал я его. – Распорядись, чтобы подали на стол. Есть хочу.

– Ваша милость... – начал повторно Хелрик.

– Заткнись и запоминай, а лучше запиши! – озадачил я его, не слезая с Колбаски, моего жеребца, которого я временами мечтаю отправить на скотобойню.

– Пиши! – пробурчал я, не обращаясь ни к кому конкретно. – Меня! Ни для кого! Нет! Я ещё на охоте и пока с неё не вернулся. Тем, до кого не дошло, перечитать написанное. Я всё сказал! Исполнять!

К чёрту всё. Бить так бить. Щадить так щадить. «Взялся за нож – бей!»⁹ Просто после охоты до меня наконец дошло,

⁸ Вериги (ст. – слав, верига – «цепь») – разного вида железные цепи, полосы, кольца, носившиеся христианскими аскетами на голом теле для смирения плоти.

⁹ Идиома воровского мира смысл которой в том, что если начал действие, то

что грех не воспользоваться моим статусом, если так вышло. Если бы меня спросили о шансах в долгосрочной перспективе удержать баронство против сил графа, то я бы сам посмеялся над вопрошавшим.

Эти шансы невелики, несмотря на кратковременную победу под стеной. В одиночку баронству не устоять, а значит, и мне жить осталось не так уж и много. А раз так, то хоть поживу напоследок.

Что-то, наверное, во мне перевернула охота. Антеро, ты жив, пока живу я. Вам, может, это смешно. Но кто ты такой смешливый? Ты когда-нибудь хоронил своих побратимов, сжимал яйца в кулак и обещал сам себе – не сдохнуть так по-глупому?

Я зарёкся не рассказывать о первой. Да я и не буду рассказывать о ней. Мне достаточно того, как на меня смотрели менты, называя отморозком только за то, что я защищал Родину. От нас отреклась Родина, но мы не отреклись от Родины.

А чем мы были виноваты?! В том, что пьянь Ельцин и его шобла не дали добить отползающих из Грозного раненых «чехов» без боеприпасов. А может, мы виноваты, что Ельцин запретил артиллерию, авиацию во время первой? А может, мы виноваты, что десять тысяч необстрелянных восемнадцатилетних мальчиков «рубились» с таким же количеством обученных взрослых мужиков. В чём мы были ви-

надо его закончить. Всё равно уже статья только за то, что достал нож сгоряча.

новаты?!

Сержантики от ППС мне сказали чётче, чем офицеры. Да, я был бухой. Да, я не ангел. Да, нарушил. Но простые сержанты мне тогда были ближе, чем «пиджаки». Отморозков надо держать на границе, а ты, браток, перебрал. Ты живой! И в этом твоя вина! Ты, сука, виноват в том, что выжил!

Вам, может, это и смешно, а вот мне ни хрена не смешно...

* * *

Обед принесли на меня одного в мой кабинет, ну тот самый, где когда-то барон Агир решал мою судьбу. Я последнее время тут чаще всего роюсь в бумагах. Да и вообще, в основном в его кабинете обитаю. Тут всё по-старому. Небольшая комнатка с камином, два окна, стол, несколько стульчаков.

Во время еды мне вспомнилась кошмарная вещь. Я так спешил утолить голод, что по-глупому подставился. Старого барона смогли же отравить, а у него в отличие от меня было почти всё схвачено. Во я тупанул...

– Гумус, – крикнул я.

– Звали кор?... Кор-э... – поправился оруженосец, он всё никак не может привыкнуть, что теперь я кор-э.

– Ел? Только честно. Я про мою еду, что мне принесли?

– Кор... кор-э Ваден... я... – замялся он. Ну, понятно,

человек может как угодно высоко взлететь, но старое из него не вытравишь. Вор, он и есть вор.

– Гумус. Я помню, что мы с тобой через многое прошли. Я помню, как мы ели сворованные тобой продукты. Я ничего не забыл, – не стал ругать я мелкого. – Пойми, мой приказ – то не моя прихоть, что я отдельно ем от всех. Если старого барона отравили, то и меня могут. Так ел или нет?

Он ничего не ответил, а только помотал головой из стороны в сторону, что у местных знак согласия, в отличие от кивков.

– Ладно. Замяли. Понятно всё с тобой. Будем надеяться, что еда не отравлена. Что хоть стянул-то?

– Мясо взял и немного вина...

– Давай-ка вот что. Зови этого гнилого. Как его там... а... Хелрик. Пусть присоединится к моему обеду. Да и распорядись, чтобы принесли еду и для него. Пора вводить новые правила для этого замка.

Хелрик поначалу был рад, что его позвали обедать с будущим бароном. Я кивнул ему на свободный стульчак и накрытый стол. Мол, присоединяйся к обеду. Как же, такая привилегия, которую ещё не всякий заслужит – есть простолодину за одним столом с будущим бароном.

Впрочем, довольная лыба быстро с него слезла, когда я, глотая очередной кусок мяса, невинно спросил, помнит ли, о чём мы договаривались. Пробовал ли он мою еду, прежде чем я сел есть?

Вот тут-то его пробрало. По осунувшемуся его лицу я понял, что он забыл о том разговоре. Соврать мне он не осмелился. Ещё бы. Если соврёт, то ему конец, а мне это проверить не составляет труда. Тут замок – трудно что-то скрыть, можно тупо спросить у служанок, и фиг он «отмажется от своего вранья».

– Да не волнуйся ты так. Я всё понимаю. Все мы люди. Все мы что-либо да забываем, – смотря в карие глаза подхалима, я его успокаивал. – Если меня сегодня отравят, то просто вместе умрём и всего делов... Ладно, не переживай. Пойми. То, что ты проверяешь мои блюда – это временно... потом найду кого-нибудь тебе на замену, – подсластил я незавидную участь Хелрика.

Хелрику совсем не обязательно знать о том, что у меня есть амулет от гоблинов против отравы. Коготь на шнурке, висящий на шее. Что-то подобное было и у старого барона, неказистое кольцо на руке и серый, несуразный камешек на столе. Это мне потом уже сказали. Другое дело, что Агира эти артефакты от яда не уберегли. Амулеты только подали весть, что старый барон отравлен. Вот так, магия магией, но и она не всесильна. Артефакты надо перепроверять старыми методами.

– Хелрик. Ты там... что-то на воротах говорил о просителях, – отпивая вина, спросил я. Надо же чем-то перебить гнетущую атмосферу, исходящую от подхалима. – Кто? Зачем? Что нужно?

– Ваша милость... К вам от рыцарей... от семей мятежников просятся... – поправился Хелрик. – Ждут вашего суда... Ещё к вам простолюдины... Ваши холопы и холопы из других деревень... Я их отослал...

– Не понял?! Что ты сделал?! Отослал?! Сюда их обратно. Сначала мои люди и только потом все остальные! – поставил я приоритеты. Блин, дашь такому покомандовать, то без верных людей останешься. – Что хотели мои люди?

– Они не сказали... Ваша милость, а как же ваша знать... – начал что-то тараторить Хелрик.

– Запомни раз и навсегда! На своей земле... Я решаю, кого мне принимать, а кто ещё подождёт. Возвращай просителей, и больше меня так не подводи!

Разочаровал ты меня, карьерист. Тебе невдомёк, что я живой не потому, что меня поддержала знать долины. Эти бы сдали долину. Моя власть тут на традициях и на простых людях – это их убивали бы и грабили.

– Гумус. – заорал я мелкому за дверью. – Давай, беги к Коиму. Пусть кого-то пошлёт за просителями из деревень. Их накормить, если голодны. Потом ко мне. Давай, метнись стрелой!

Хелрик при моих словах смотрел на меня глазами побитой собаки. Не удивлюсь, если он впредь начнёт учитывать моих тараканов в голове, а не тупо следовать некоторым традициям.

– Хелрик, освободи кабинет. Надеюсь, ты понимаешь, что

сначала мою еду пробуешь ты, а только потом я?! Знай, я это всегда могу проверить, – сказал я, а сам думал, не он ли руку приложил к отравлению старого барона. В версию, что простая служанка траванула барона, я, конечно, верю, но кто-то же должен был передать ей яд...

Делегацию от деревенских я принял в тронном зале. Такой небольшой зал в форме трапеции. Место с тронном – узкая часть трапеции, где-то около восьми метров. Широкая часть трапеции у входа со стороны просящих, где-то около двенадцати метров.

Если кто-то заметил, что я только наследник барона и у меня не может быть тронного зала, то вы молодцы. Однако ваши упрёки не в тему. Это на Земле бароны по сути ни на что не имеют права претендовать, а тут не Земля. История государств Алгар и Скаген развивалась после мятежей баронов, что потом стали королями. Поэтому бароны тут могут претендовать на корону, но шансы у них мизерные. Да и то, только в том случае, если они удержат свой анклав от завистников, когда начнут заявлять, что они независимы и самостоятельны.

Так вот, сижу я в тронном зале. Тереблю серебряный обруч – штуку, что баронам заменяет корону. Думаю, надевать обруч или не надевать. С одной стороны, вроде как наследник, с другой – мой статус не признан сюзереном, в моем случае королём. Подумал, помялся и надел обруч. Охота по-

меняла меня, немного. Пусть лучше недолго побуду свободным от условностей бароном, чем трясущимся от каждой тени самозванцем. Поймите меня правильно, смерть – неотъемлемая часть жизни, а я устал бояться.

Как оказалось, просители от деревенских не успели уехать далеко. Хелрик их послал куда подальше, но ведь есть ещё и Коим, а он у местных выше котируется. Старейшины не стали ругаться с подхалимом, решившим, что он моя правая рука. Немного отошли от замка и послали повторно просителя конкретно к Коиму.

Коим не настолько дурак или сноб – сумел разрулить ситуацию. Сказал, ждать, пока я вернусь с охоты, но не отвесивать.

Коима тоже можно понять. Я им в последнее время был недоволен. Он мне нужен. Он незаменим. Но ему лучше об этом не знать, чтобы не зазвездился. Я специально разыграл карту своего недовольства, по теме того, что он меня проби-вал на засланца от налоговой. Спецом показал своё неудо-вольствие. Пускай подумает. Поймёт, что незаменимых нет.

Надо отметить, что Коим выводы сделал верно. Он не стал идти на прямой конфликт с моим якобы фаворитом, а решил зайти с заднего входа. Плюс один к его соображалке.

Сижу, думаю свою думу. Узкий обруч давит на голову – меньше была башка у старого барона. Хелрик стучит какой-то палкой об пол. Он тут вместо мажордома. Палку с

трудом нашли в запасниках барона – он не пользовался штучками для апофеоза. Короля делает свита или скорее антураж. Так я в тот момент думал. Агир был проще, а может, ему это надоело со временем.

Гумус сидит на одинокой широкой ступеньке рядом с моим тронem. Ступенька одна. Две у графов, три у маркизов, четыре у герцогов, пять у королей или императоров.

Коим стоит у трибуны с письменными принадлежностями. По бокам от баронского трона стоят при оружии десятники Хелми и Эрте, так сказать, почётный караул. Последний, это он возразил мне о блокировке восьмой башни. Я им доверяю, насколько это возможно в моей сложной ситуации.

Сiju и думаю, какой это фарс происходит. Я видел, какими бывают приёмы у знати. Взять тот же бал у графа – мне есть с чем сравнить. Я в очередной раз понял, как смешон на его фоне. У Илмара есть свой мажордом, а не чувак, заменяющий его по случаю. У него есть свой двор, свои музыканты, элитные повара, свой маг. Кто я по сравнению с ним?! Дурачок, что сидит на подобии трона. Самозванец, который боится яда и опасается, что долину завоюют или его сместят. Так стало противно от самого себя, что я прервал церемонию.

– Все вон. Просящие ко мне. Гумус, Коим, Хелрик. Оставайтесь, – вякнул я, когда зашли деревенские.

Сразу поясню свои действия. Не считите меня дебилом, что пускает пыль в глаза, а потом «даёт заднего». Просто я понял, что с этими просящими церемониальные фокусы

лишние.

Зашли пятеро. Трое бывалые, один непонятный, один, зашуганный моим статусом. Зашуганный, староста не из моей деревни. Бывалые и непонятный – мои прямые вассалы.

Я не настолько наивен, чтобы отчасти не разбираться в людях. Старосты моих деревень – это бывалые, состарившиеся бойцы. Это было видно по ним. Пограничье неженков не любит. Один калека, нет правой руки. Второй старик с лицом, покрытым рваным шрамом. Третий совсем старый, без левого глаза и части носа. Теперь мне понятно, почему я не видел их раньше на стене. Они своё уже отвоевали...

Агир был не дурак. Он делал ставку на верных ему людей, умеющих держать меч в руке. Пограничье других не терпит. Но старый барон своё уже отжил. Просчитался. Привык к людям воинской чести и потому подох от невоинской подлости.

– Давайте ко мне. – сказал я, сходя с трона. – Гумус! Метнись за выпивкой... С чем пришли, уважаемые?

Мы сидели на широкой ступеньке рядом с моим тронem и передавали малый бочонок по рукам. Малый, потому что в нём, по моим прикидкам, только пять-шесть литров пива. Сразу скажу, предложение от Хелрика использовать кубки я отнёл. Братину ещё никто не отменял. Все разговоры о том, зачем пришли, я пресёк до тех пор, пока бочонок не был пуст.

Шакарбек из Малых Холмов, Аран – староста из Оплота,

Герт – староста из Норы, да и более молодой староста Озрик из Пашни – не отказались от халявной выпивки. Имя пятого я не запомнил. Последний не из когорты воинов, слишком сильно ужимался, боялся меня, никак себя не проявил. Побоялся даже выпить вместе со всеми. Когда опомнился, увидел, что я ничего его коллегам старейшинам не сделал, то мы всё уже допили.

– Распили и хватит, – подытожил я, когда Аран добил последнюю каплю из бочонка. Кто бы мне сказал, что бочонок можно держать одной рукой – не поверил бы. У Арана нет правой руки.

Молчание, переглядываются, смотрят на самого старого. Ну, понятно, старшинство всегда впереди. Старый, наверно, ходил ещё под рукой моего самозваного отца.

– Кор-э... Ваша милость... – прокряхтел самый старый, Аран из Оплота, между прочим, первой деревни в долине. Я его понимаю. Я новый человек, от которого неизвестно что ожидать. Но и он уже не мальчик, своё доживает. – Мы от всех... Км-м...

– И?..

– Дай волю.

– Не понял?!

Повисло молчание. Смотрели на меня как-то исподлобья, но я тупо не догонял, а они не спешили пояснять. Только через пять секунд до меня дошло, о чём это они.

Все мои прямые вассалы в долине, да и не мои прямые

вассалы, фиктивные долговые рабы. Такая вот «серая схема» ухода от «подушных налогов королю. Случись что, то никто не будет разбираться, фиктивные они рабы или нет. Есть бумага и всё тут.

Я долго молчал. А что я могу сказать?! Без простых парней мне долину не удержать. Не удержу долину, то мне и моему сыну конец. Простые люди встали за мной только потому, что не хотели из фиктивных долговых рабов переходить в реальные.

Дам им волю, не факт, что удержу долину. Они могут второй раз не подняться на защиту долины. Не дам волю – тоже до фига проблем. Так и до прямых диверсий, саботажа можно доиграться.

– Все вы старые побратимы моего отца... Не удивлюсь, что вы не раз показывали свою доблесть в боях вместе с ним... – начал я отвечать издалека, наблюдая их реакцию на мои слова. – Я могу вам много что рассказать о том, что будет, если граф ворвётся в долину. Да вы это и сами знаете... Не могу... И не потому что я не хочу...

Признаться, эти слова были самыми тревожными для меня. Поймут или не поймут.

– Все бумаги всегда делаются в двух экземплярах. Одна у меня, одна у короля. Пока не стану настоящим бароном... Я пока ничего не могу поделаться... – закончил я.

Я сидел и думал, а прокатят ли мои слова, тем более что я ни на грамм не соврал. Точнее не так. Я уверен, что не

соврал, но точно не знаю, как обстоят дела. Я просто сужу по прежнему опыту общения с крючкотворами. Уверен, что ни одна бумага не делается в едином экземпляре, и на это давлЮ. Так-то своим ответом я их обнадёжил, дал обещание, пусть даже прямым языком никому ничего не обещал. Я перед собой в первую очередь отвечаю.

Я всегда держу своё слово. Если могу своё слово исполнить. Даже если это мне во вред. Даже если... Считайте это моим бзиком, моим пунктиком...

Мне кажется, но меня мои старосты поняли. Посидели, ещё немного выпили, поговорили о нуждах селян, о быте, о войне, о старых воинах, о количестве не вернувшихся в деревни, о скорой пахоте, да и так о мелочах.

Между прочим, я понял, что тут делает староста из Озёрного. Ну тот, имени которого я не запомнил. Этот староста пришёл просить за своих хозяев. Это зажиточная деревня, стоит на берегу горного озера, у которого высится мой замок. Однако эта деревня принадлежит не мне. Эта деревня мятежного рыцаря. Вроде это деревня рыцаря Эссе, а он умер, исправляя свою ошибку. Прикрывал мой отход. У него остались дети, сын и дочка. За них пришёл просить староста. Дети этого рыцаря ждали в числе прочих детей и их матерей, когда я приеду с охоты.

– Ты! Как там тебя. Передай... А ничего не передавай... я сам пока не решил... – ответил я старосте деревни от мятежников.

С одной стороны, дети мятежников. С другой стороны, он своё уже взял смертью. Дети-то в чём виноваты?! Тем более что их отец свою вину искупил...

Глава 4

О бале и правосудии

Сказать, что для меня просто прошёл тот вечер заседания со старейшинами – это соврать. Я баюкал своего сына на руках и думал: «А не гад ли я?» Ирме, молодуха, кормилица, свалила в сторону. Я её понимаю. Не надо смотреть мне сейчас в глаза. Я опять до предела чувствую запахи, а обычно не чую ничего. Хреновый признак. Признак, что у меня опять наворачивает башню.

Мой сын затих на руках. Спи, мелкий, батя пытается быть чутким, хотя ему это нелегко. Спи и не знай, что только из-за тебя я ввязался в эту аферу с липовым наследием баронства. Не было бы тебя, я просто взял бы деньги и уехал подальше от проблем и войны. Спи, мой маленький. Я гад и сволочь. Надеюсь, тебя эта участь минует...

После визита в детскую во мне что-то сломалось. Надломило меня. К чёрту всё. Подальше от замка и всех. Я оседлал Колбаску и уехал к озеру. Сажу у озера рядом с замком и с тупой физиономией дятла держу удочку. Будущий барон думает! Будущего барона не надо сейчас отвлекать!

Вам это, наверно, смешно, а я сажу с удочкой у этого холодного горного озера, в котором нет рыбы. Кто тут воеет, что я дурак?! А думаете, у меня есть другие способы побыть наедине с собой?! Я буду последней сукой, если не заселю в это

горное озеро форель. Просто так, для проформы, чтобы посторонним не казалось, что я чудю от нечего делать. Тут на меня не давит камень стен. Тут я могу хоть недолго побыть собой. Сижу, вспоминаю, думаю...

* * *

Во время приёма старейшин я взглянул на себя под другим углом. А что я пыжусь?! Вы что думаете, раз и стал кем-то другим? Наивные. Мы всего лишь те, кто есть. Все изменения в нашей психике происходят не спонтанно, а под действием внешней среды. Думаете, что я не прав, да бог с вами. Ещё поймёте, о чём я говорю. Старую собаку новым трюкам не научить.

Так получилось, я вроде достиг всего того, о чём остальные и не мечтают. А на душе пустота и страх. Раньше у меня было хоть подобие определённости. Было чёткое мнение, куда двигать дальше по жизни. А что теперь?! Я достиг своего потолка. Моя власть – это фикция! Мой баронский трон качается под мною.

Опереться я могу только на ограниченное число людей. Кратко. Гумус мой оруженосец и уличный воришка. Верю флегматичному вору Гевуру и мелкому лучнику Лорину, оба дезертировали из армии во главе с моим наставником Антеро. Верю Эрте-десятнику и рядовому Хелми. Верю Гаомэ, мастеру по артефактам орков и гоблинов. Относительно до-

веряю Коиму и рыцарям Озвур кор-э Бобровый Ручей и Марвуку кор-э Стена. Остальным доверяю куда меньше.

Впрочем, не эти мысли одолевают меня. Я знаю, что в открытом противопоставлении графу моему баронству полный ПИ...Ц. Год-другой, может, и протяну, а потом полная амба.

На данный момент у меня меньше двухсот бойцов. А граф, если напряжётся, то через год-другой выставит вместе с ополчением и все пять тысяч. Единственное, что сейчас меня успокаивает, что у графа большие потери после штурмов и набега орков. Пока ему пока не до меня. Ему бы своё удержать в его затяжной «холодной войне» с маркизом, который такими потерями, наверное, воспользуется. Впрочем, забудьте всё то, что я сказал. Нервы ни к чёрту... Теперь, по существу. После штурмов стены у меня осталось около тридцати пяти процентов дружинников. Я не случайно говорю в процентах.

Как говорил Сталин: «Смерть одного человека – это трагедия. Смерть десяти – это беда. Смерть большего числа – это статистика...» Мне кажется, я стал понимать, о чём он говорил. Гораздо проще говорить процентами или безликими названиями. Сложнее говорить о людских потерях, если воспринимать их как людей, а не как цифры.

На данный момент у меня около двухсот дружинников, это включая тех, что отошли под руку моих рыцарей. После штурма уцелело мало дружины. Всего уцелело примерно

триста человек, включая вторую волну пополнивших ополчение первого призыва. Так вот, большая часть ополчения после штурмов стала дружинниками. Сами просились на довольствие, месть штука неотъемлемая...

С учётом того, что в ополчении у старого барона были люди бывалые, то качество подготовки дружинников долины почти не пострадало. Обмундирования, на данный момент, больше чем необходимо. Помогли трофейные доспехи и оружие. Одна беда, возраст у пополнения дружины за пределами возраста расцвета. Пополнение в основном из бывалых мужиков, а то и мужиков полупреклонного возраста.

Отдельный момент по поводу моих рыцарей. Помнится, я как-то заявлял во время штурмов долины, что у меня одиннадцать рыцарей, но то был мой косяк.

По факту, на тот момент у меня было семь полноценных рыцарей, из которых шесть имели свои деревни, данные в лен. Ещё двое были кор без имений, сыновья рыцарей. Плюс покойный Антеро. Остальные сыновья рыцарей официально не были рыцарями, несмотря на рыцарскую заковку и число лиц, их сопровождающих. Сопровождающие – это, если кто не понял, конная пятёрка рыцарского формирования «копье».

Ещё один мой головняк, по поводу наделения рыцарскими регалиями. Мне даже пофиг на то, как это делается и какие бумаги надо подготовить. Меня другое волнует. На кого делать ставку? Кого возвеличить? Да так, чтобы он был уме-

стен на своём посту. Так, чтобы остальные на меня не окрысились.

Тому же Хелми я обещал рыцарские шпоры. Он от меня их ждёт. А как я могу произвести его в рыцари, если его потолок простой десятник?! Мне что, просто сказать?! Что я его кинул?! Такие заявления могут пройти спокойно в мегаполисе, а не в большой деревне. При таком разрезе уже завтра каждая собака будет знать, что я не держу своё слово. Так и до больших проблем можно дотанцевать.

Ладно проблемы с рыцарями и ополчением, переведённым в дружинники. У меня есть проблема и похлеще. Теперь у меня самого ополчения, считай, что нет. Кто-то убит, кто-то переведён в дружину. А кем мне дружину усилить на случай чего?

С такими мыслями я сижу на озере. С тупой физиономией дятла я уставился на поплавок, хотя знаю, что в озере рыбы нет...

Когда я отвлёкся от своих дум, то почему-то вспомнился турнир в Шакти, столице Скагена. Турнир, на котором меня подвели под смерть, но я успел раньше лечь под соперника. Вспомнилась пьянка после турнира. Такой расслабляющий момент. Вспомнилась Халла. Пьяный, проспоровивший Адрус, танцевавший на столе. Вспомнился бордель и соревнования, кто дальше плюнет. И тут я понял, что мне надо в первую очередь сделать.

Что требуется для подтверждения нового статуса? Гром-

кий жест. Что является громким жестом касательно моего случая? Бал.

У меня, конечно, нет такого блистательного двора, как у графа Илмар, но есть свои рыцари и их дети. Это нужно мне. Это нужно им. Мне почему-то вспомнился бал у графа, где он якобы решал нашу судьбу с Антеро. На деле – это был повод для убийств засланных от маркиза...

Была мысль, и будет бал. На балу я и буду решать судьбу детей неприсоединившихся ко мне не рыцарей.

О своей прихоти я первым делом известил Хелрика. Мне было важно его мнение. Карьерист падок на всякую фигню из разряда рыцарской и дворянской чуши. Видать, за счёт этого он сам поднимается в своих глазах. Если бы Хелрик не выразил своего восторга идеей, то я задумался бы о том, стоит ли проводить бал. А так, я брякнул между делом о бале и понял, что попал в точку. Хелрик, ты моя лакмусовая бумажка. Впрочем, не ты один такой...

Сам бал был ни о чём. Как бы это сказать... Я чувствовал себя убогим, после того что видел у графа. Вместо известных музыкантов деревенские увальни чуть ли не с коровьями дудками. Вместо танцев что-то непонятное, фигурное, по канонам, которым сто лет. Вместо высшей знати – мои рыцари и их дети, то есть дворяне самого низкого пошиба. Они о балах имеют ещё меньшее представление, чем я сам. Единственный знатный дворянин это кор-сэ Адрус и я сам, если забыть, что я пока не утверждён на баронство королём.

На балу была также пара человек от моего купечества, как-нибудь расскажу и о них. Были и мои гвардейцы, верные мне люди. Это не по дворянскому приглашать на балы простолюдинов, но я включил режим самодура. Как это возможно – не пригласить на бал тех, на кого я могу опереться. К тому же пустой зал надо хоть как-то заполнить людьми. Что это за бал, если на нём людей почитай нет? Из простолюдинов на балу мои помощники – Коим и Хелрик. Само собой, Гумус, Гевур, Ниаю, Лорин, Хелми, Гаомэ.

Так-то любой бал предполагает гостей от соседей... Но кто ко мне поедет?! Далеко для соседей мои земли, да и для других баронов я никто, если не хуже. Пока что для соседей я очередной бастард. Причём бастард, не признанный сюзереном, к тому же в оппозиции со щукой в местном провинциальном болоте – графом.

Атмосфера на балу была так себе. Все какие-то вялые, настороженные – это я про детей дворян. Дети мятежников не играют между собой, а отираются вблизи своих матерей. Жены погибших рыцарей в трауре и больше наблюдают за немногочисленными парами танцующих. Таких пар было всего четыре. Кор-сэ Адрус с какой-то малолеткой в ушитом старофасонном платье, кор-э Озвур с женой, сын кор-э Марвука с кем-то и я с какой-то бабой, более-менее прилично одетой и без элементов траура в одежде.

Не то что я, блин, такой любитель танцев, но мне по статусу положено открывать бал и станцевать хоть несколько

танцев. Традиции! Остальные как-то жались к стенам тронного зала. Именно тронного! У меня в замке нет отдельного зала для танцев. Самый большой зал – тронный, он же зал приёмов.

Моё дворянство, точнее большей частью их наследники, ждали приговоров за мятеж отцов и мужей. Пускай ждут. Чем больше ждут, тем легче примут мои решения. Нет ничего более страшного и противного, чем ждать неизбежного. Я почти уже всё решил, осталось только озвучить, а сейчас пусть помучаются ожиданием...

Надолго нас не хватило. Это я о танцующих. Я тупо исполнял традиции. Трёх заунывных танцев мне было через край. Танцор из себя я не очень. Поди вот, разберись во всех тонкостях и хитросплетениях местных танцевальных традиций. Во время танцев на меня косились подчинённые, но не показывали, что возмущены моей косолапостью. Делали вид, что их будущий сюзерен умеет танцевать.

Впрочем, не меня одного раздражал местный танцевальный апофеоз. Озвур с женой уже немолоды, им бы посидеть, отдохнуть без лишних движений. Впрочем, они следовали традициям, поддерживали меня в этом фарсе под названием танцы.

Вот, кто точно умеет хорошо танцевать, так это кор-сэ Адрус. Но ему эти танцы на фиг не сдались. Он и без балов каждую ночь с кем-то скрипит кроватью.

Возможно, сын кор-э Марвука Стены и хотел бы потан-

цевать дальше, но уж слишком сурово на него смотрел его отец. Ещё бы! Сын танцует с дочерью кор-э Сутара из Гнилых Пней.

Сутар – из рыцарей, что поднимали мятеж. Был направлен вместе со всеми мятежниками в штрафники. Получил ранение и единственный живой из старшего поколения рыцарей мятежников. Марвук не дурак, понимает, что дочь мятежника сейчас не лучшая партия для сына...

Сам Сутар сидел у стены зала и смотрел на танцующих. По обычаям он не должен был сидеть, но я прилюдно разрешил ему сидеть в своём присутствии на время выздоровления от ран. Дал я такую привилегию по нескольким причинам, а не только по причине ранений. Так я оттягивал недовольство своих дворян от оглашения своего приговора. Типа одного приподнял на время, а значит, и у них есть шансы сохранить своё.

Я смотрел на своих подданных и вспоминал рассказанное мне.

По самому Сутару Он немного труслив. Три дочери. В живых две дочери, одна умерла три года назад то ли от простуды, то ли от воспаления лёгких. Я не медик, а местные ещё хуже описывают симптомы болезней. Жена умерла при родах четвертой дочки. По слухам, старик тешится с какой-то служанкой, но бастардов не наплодил по причине старости.

Во время мятежа кор-э Сутар был тих и присоединился больше из стадного чувства, а также по причине того, что его

владения далеко от стены. Наверное, думал, что его деревню не успеют ограбить до присяги графу.

Сутар мелочен и прижимист. Он по характеру больше купец, чем рыцарь. Человек стаи или точнее стада. Это я к тому, что он не будет выгрызать в бою победу. Он старается всегда быть с победителями.

Единственное, что у этого рыцаря нормально получается – это накапливать деньги поборами в деревне. Также у него вышли на удивление неплохие дочери, если судить чисто визуально – по внешности. Обе дочки если и не красавицы, то по крайней мере вполне симпатичные. Не удивительно, что сын Стены клеится к старшей дочери опального рыцаря. Она местная красавица. Наверняка старый Сутар на неё строит планы. Подумывает подложить под кого-то более именитого, чем сын такого же рыцаря...

Владения у Сутара рядом с болотами. Промышленный центр долины, ну или по крайней мере, в этой деревне больше всего мастеровых. Его деревня славится кузнецами. Железо добывают из болота и обрабатывают по мере их знаний и мастерства. Делают сельхозизделия, изредка делали доспехи по заказам старого барона. Его люди живут не особо богато, но не по причине плохих угодий или отсутствия нормальной пахотной земли. Сутар просто много берет налогами.

Из важного по угодьям Сутара. Есть подозрения, что болотное железо на его владениях – это часть выхода богатых железных руд. Причём выхода руд не болотного железа, а

нормального месторождения чистого железа.

Теперь по потомкам закоренелых, идейных, мёртвых мятежников.

Есть кор-э Нире Ягодная Топь. Молод и нет авторитета. Сын покойного мятежника кор-э Этинбера. Есть ещё младший брат девяти местных лет от роду. Сестры не пережили первых нескольких лет жизни. Жива мать. Отец давил налогами крестьян, но был не богат. По слухам, был хорошим воином, но присоединился не к той стороне и погиб в штрафниках при вылазке моей конницы за стену.

Есть сын и дочка кор-э Эссе Озёрного. Озёрный умер, подорвал себя артефактом у стены, прикрывая мой отход. Я тогда мысленно дал себе зарок не карать детей за мятеж отца. Отец своей жертвой испустил мятеж...

Дал себе зарок и после пожалел о своём зароке. Деревня Озёрного чуть ли не самая зажиточная. Налоги мёртвый рыцарь брал не меньше, чем остальные, но есть большая разница брать одинаковые налоги с плохой земли или брать с хорошей земли.

Поясню. В долине проблема с ирригацией, а у деревни Озёрного с этим проблем нет. Думаю, нет смысла пояснять, почему деревня зажиточная.

Ещё на балу были потомки Гарстада и его старшего сына, который тоже был рыцарем. Им принадлежали деревня Большие Холмы и деревня Камни. Отца и старшего сына я убил из двустволки в шатре при мятеже. Остались ещё три

сына Гарстада и его жена. Жена в трауре, изредка бросает на меня волчьи взгляды. По её темпераменту вижу, что она меня никогда не простит. Муж, может, и побоку, но за сына она будет мне «строить подлянки». На балу вдова и два сына, те, что постарше.

По владениям убитых. Деревня Большие Холмы – плохо живут. Деревня Камни – живут ещё хуже.

* * *

Пародия на танцы превратилась в обычную нажираловку. Тут такое называется пиром. В общем, слуги занесли столы и скамейки в зал, расставили еду, выпивку и закуски.

Поначалу всё было тихо и мирно, но потом алкоголь взял своё. Адрус нажрался первым и начал без стеснений тискать свою соседку. Вот пьяный гоблин. Дебил! Тут ему не столица, а мой замок – это не дворянский бордель. Тут пограничье и за такие подвиги могут и на дуэль вызвать, невзирая на то, что он сын графа. Я только чудом замял неприятный инцидент. Велел отнести пьяного кор-сэ Латьяуна спать. Протрезвеет – поговорю.

Нажрался сын Стены. Батя у него кремень, а сын подкачал. Сын что-то выл про честь и хотел биться на дуэли с Адрусом. Он дурак или как?! Ладно бы он бился за честь какой-то там дамы, к которой приставал Адрус, но он хотел биться за честь сторонней дамы в честь девицы, с которой

танцевал. Биться за честь двух дам одновременно это уже перебор. Ну, по крайней мере, так поняли собравшиеся его косой язык.

Всё это ладно, но мне его косой язык сказал совсем другое, то, от чего у меня ушки встали торчком. Кор Верг, сын Марвука, хоть и кор, но формально не рыцарь. Ну нет у него серебряной цепи на шее.

Короче, я так понял: или я ему подарю цепь и привилегии вместе с ней, или я лишусь его и его отца, как верных мне людей. Всё было бы просто и замечательно, но, даря цепь, я по традициям должен дать в лен и деревню. А что давать? У меня самого четыре деревни. Самому доходов не хватает. Чем своего нового рыцаря буду одаривать?

Ещё раз! Сын Марвука проболтался по пьяни, что его верность покупается рыцарским статусом. Назначаешь рыцарем – дари деревню. Короче, дари то, чего самому не хватает. Он подвёл, так сказать, черту под мои дальнейшие решения...

Впрочем, лучше расскажу дальше о бале. Подосрал Гумус, этот тупо уснул под столом. Ниаю составил ему компанию. Озвур дал по роже слуге, что пролил вино на платье его жены. Коим и Хелрик подрались, цеплялись друг другу в волосы и что-то кричали про деньги и налоги.

В общем, все, у кого была жопа прикрыта, вели себя по-свински. Остальные пили в меру. Какой уж тут суд над семьями мятежников. Я сослался на то, что мне нехорошо, и ушёл спать. Не бал, а фарс. Перенёс суд на утро...

Утром я был хмурый. Похмелья не было, но был алкогольный отходной пофигизм. Сидел на троне. На голову давил узкий серебряный обруч старого барона. Взираю на семьи мятежников.

Первыми под раздачу попали потомки Гарстада. Не считайте меня сволочью, но я лишил деревень потомков мятежников. Мать и трёх сыновей выслал из долины. Бал и пирушка показали, что мать из непримиримых. Таких опасно держать рядом с собой. Пускай собирают манатки и уя...т из долины. Детей жалко, но и своего сына мне тоже жалко. Ему потом с этими потомками мятежников пришлось бы дела вести.

Так под мою руку обратно перешли две деревни: Большие Холмы и Камни. Крестьяне там живут хреново, и мне проще устранить с корнем одну семью мятежников, чем страдали бы пять-шесть сотен простых людей. Отдам одну из деревень Верту и тем куплю его лояльность. На первых порах я буду его стопорить и указывать, как вести дела. А пока он войдёт в дела, там и простым людям проще будет. Да и самому мне не помешают доходы от налогов с деревни.

Единственное, что я предложил жене Гарстада, так это оставить третьего сына на своё попечение. Так сказать, чтобы самый младший не узнал тяготы дорог. Поклялся Равуром¹⁰ – местным божком смерти, который, по словам жреца,

¹⁰ Равур – обычный бог. Скорбный юноша с веткой омелы в руках. Встречает смертные души у каких-то врат, которые ведут куда-то. Клянутся им неохотно,

ко мне расположен. Поклялся воспитать его как своего сына, сделать из него воина, но мать-дура протупила. Хотя, может, и не так протупила. Как я понял, богом смерти тут клянутся неохотно и только самые отморозки. Совесть завывает, но что она падла знает...

Моя жестокость в том, что я семью отправил через стену, а не через ущелье Малого Пути. Мне невыгодно, чтобы они выжили. Выживут, то многое могут рассказать о системе внутри долины. Из-за каждого их лишнего слова у моих могут возникнуть проблемы. У меня могут возникнуть проблемы. Проблемы от налоговой короля, за неучтённые деревни, и до стратегической информации.

Стена – это пять-шесть дней обхода горной гряды по территории орков. Сумеют пройти живыми, то так положено. А не сумеют, то так получилось...

Но так правильно. Их смерть выгодна мне и выгодна жителям долины. Я своим решением приговорил их к смерти, но может, им повезёт. Я не подлец граф, чтобы их отправлять на смерть и не дать шансов на выживание. По крайней мере, я так себя убеждал...

Кор-э Сутар из Гнилых Пней я лишил части территорий. Я запретил выход на свои болота. Этим лишил залежей железа, товара, что никогда не падает в цене в пограничье. Точнее не так. Я запретил что-то собирать на болотах без моего

подозревая расплату за клятвопреступление после смерти, но это не гарантия, что клятву не нарушат самые отмороженные.

соизволения. Деревня осталась в попечение рыцаря. Также я пообещал кары за нищету деревенских. В общем, он на испытательном сроке. Поднимет своих вассалов из нищеты, то он на правильном пути. Не поднимет, то сам лишится надежды.

Если кто считает, что я с ним поступил слишком милостиво, то вы правы. Но тут есть весомый фактор за мятежника. У Сутара две дочки. Старшая на балу...

Изра – старшая дочка, по моему ультиматуму, выходит замуж за Верга сына Марвука. Заткните рыла те, кто вопит, что я самодур. Мне донесли, что они...

В общем, не люблю громких слов. Они встречались, но отцы против их отношений. Отцы друг друга не переносят на дух. Мне же на волне недовольства отцом сейчас вполне легко продать Сутара на брак его дочери с местным голодранцем. Верг, конечно, хороший парень, хоть и наглый не в меру, но пока он никто. Пока он просто кор Верг, сын рыцаря. Он сам ещё не рыцарь, и что более важно, у него пока нет своих владений или данных в лен владений.

За последним дело не заржавеет, я дам ему в управление деревушку, но не сейчас. Посмотрю ещё на него. Заценю, как он себя проявит. Ведь нельзя же так просто выдавать такие плюшки только за симпатии или красивые глаза. Я это к тому, что выдать деревушку я могу спокойно. Забрать обратно уже не так просто, как законодательно, так и по последствиям ссоры с его отцом.

Кор-э Сутар из Гнилых Пней мог бы возразить мне по поводу помолвки его дочери, но он же не дурак. Ему понятно, что иначе я лишу его владений полностью.

Моя выгода не только в том, что я укрепил свою территорию, но и в том, что могу теперь опираться полностью на семейства Марвука и Сутара. Сын Марвука и дочь Сутара на моей стороне. Политика и чувства неразделимы... Иногда... Так просто совпало...

Кто там воет про то, что у красивой девочки могло бы всё сложиться по-другому?! Нашла бы себе целого графа, а то и короля!

Вы дебилы! Максимум у рыцарской дочки – это бастард от барона или куртизанка в столице, что равнозначно шлюхе. Обычно это малолетка, выходящая за старика, или старуха, выходящая замуж за малолетку и спустя время якобы случайно упавшая с башни. Если кто думает, что я самодур, то вы не правы. Я неслучайно узнавал о слухах касательно этой пары. По блеску глаз Изры и Верга я понял, что не прогадал с вердиктом.

Потом было для меня самое тяжёлое. Я вершил судьбу Эссе Озёрного. Когда на вылазке счёт шёл на каждого, он был с нами. Погиб героически, прикрывая отход. По сути его героическая смерть это для меня только формальный повод, чтобы его дети не были лишены наследства. Формальный повод, но его деревня одна из самых зажиточных за счёт естественной мелиорации от озера.

Жены у Озёрного не было, умерла при родах третьего ребёнка. Походу, он после смерти зачастил к крестьянкам, но не мне его в этом судить. Пережили младенчество два детёныша. Старшая девочка и совсем сосунок пацан. Вот и все расклады средневековой медицины.

Девчонка, как мне сказали, уже целых двенадцати местных годов от роду. По здешним меркам уже невеста. Девушка скромно смотрела в пол и временами бросала на меня красноречивые взгляды. Такое ощущение, что она пыталась меня соблазнить, но не знала, как это сделать. Наивность? Отсутствие опыта? А может, банально из-за страха за свою судьбу или судьбу своего младшего братишки? Всё же наивная девочка.

Стопудово она меня боится. Последнее неудивительно – наверняка ей уже успели нашептать, какая я сволочь без морали и вообще убийца детей. Я не ошибся и в том, что она пытается стрелять глазками. Совратить деспота и наставить его через любовь на истинный путь рыцарской морали – вот он подвиг для девиц. Начитаются рыцарских романов или наслушаются басен, что рыцари – это белые и пушистые защитники угнетённых, а вовсе не разбойники с титулами, вот и итог.

Всё это, конечно, хорошо, но как-то по-наивному смешно. Было бы смешно, если не было так тоскливо, грустно от местных нравов. Как это нелепо. Попытки совратить меня пламенными взорами малолетки, которая понятия не имеет

ни о любви, ни хотя бы о сексе.

Впрочем, это не помешало мне разыграть карту, что малолетка потрясла меня. Пускай теперь дура считает, что их с младшим братишкой не коснулись репрессии по причине её красоты, а вовсе не по моим убеждениям, морали или из долга перед её отцом.

Упаси меня Боже от таких роковых красавиц! Сам бы пустил себе в лоб последний патрон из двустволки, но разве можно переделать местных за такой короткий срок...

В общем, я лишил наследников Эссе Озёрного деревушки. Слишком жирный для них этот кусок. Мне и самому такая зажиточная деревня пригодится. Хорош гнать, что я сволочь. Я сделал так, как я сделал. Так, как считал нужным.

Чтобы хоть как-то успокоить свою совесть, я дал им взамен одной деревни другую деревушку. Нищая деревушка Камни теперь будет закреплена за детьми Эссе. Но это видимость правления.

По причине малолетства единственного мужского наследника я взял эту деревушку под своё прямое управление. Так я могу навести реформы в деревне. Превратить занюханную нищую деревушку в нормальное владение. Всем от этого только лучше. Простые люди будут меньше страдать от лишних поборов. Я, как барон, укреплю своё влияние, успокою гнойники бунтов. Дети, по молодости, не потратят все средства на леденцы и тряпки.

Также я обязался, как сюзерен, взять шефство над мел-

ким сыном Эссе и воспитать из него рыцаря. Тут такое в порядке вещей. Верных вассалов воспитывают с малолетства, в верноподданных чувствах к сюзерену. Также, если до кого не дошло, то это заложники на случай бунта отцов. Впрочем, это не тот случай. Потомкам Эссе я просто дам шанс. Дам шанс парню вырасти хорошим человеком. А то без правильного средневекового воспитания у него нет возможностей самому стать полноценным рыцарем...

Глава 5

О реформах в армии

Бал прошёл. Пьянка удалась. Говно на душе. Мне хреново. Я обрёк мать с тремя сыновьями на смерть. Я не верю, что они живыми пройдут территорию орков...

У меня взрывалась голова от доклада Коима. По его докладу денег в казне около двухсот золотых. Для меня одного это капец как много, а по сути это ни о чём.

Чтобы вы поняли. Когда я был стражником в столице, я получал около полутора золотых в месяц¹¹. Тут провинция, цены во многом меньше. Простой крестьянин на золотой может жить полгода не работая.

Отсюда вопрос: чем я должен платить зарплату своим дружинникам, если их число, с учётом нанятого пополнения, около ста тридцати?! Для тех, кто не понял моей паранойи, поясню. Обычно у баронов своих дружинников около пятидесяти, остальные обученные воины – это бойцы рыцарей и ополчение.

Я экономический дурак, нанял почти всех ополченцев, что пережили штурмы, в свою личную дружину. Сразу скажу, нанял на эмоциях после штурмов. А они на эмоциях после штурмов почти все согласились.

¹¹ Месяцев в году четырнадцать. В среднем месяц равен 24 дням.

С другой, не с экономической, стороны – моё тогдашнее спонтанное решение не настолько и глупо. Сами поймите, своим рыцарям я почти не доверяю. Долина под угрозой недобитков от графа. Тут же рядом отираются орки. Вот я сгоряча и набрал себе дружинников из бывшего ополчения. Я в тот момент даже не задумывался, чем буду платить им зарплату. «Нам бы день простоять, да ночь продержаться»¹².

Если кто думает, что солдатам не надо платить зарплату, то я ничего пояснять не буду. Просто объясню этимологию слова «солдат». Слово «солдат» происходит от итальянского «сольди» – «деньги». Итальянские войны – это нечто. Солдаты воевали только до тех пор, пока им платили, короче наёмники. К тому же воевали не против солдат противника, а против крестьян. Налетели. Сожгли посевы, подорвали экономическую мощь противника и ждут, пока у противника кончатся деньги. Вот и вся суть итальянских войн средневековья.

Блин! Ещё раз! Двести золотых с мелочью в казне. Куда делось всё остальное, под большим вопросом. Из вариантов: Первый вариант: деньги пущены в оборот. Но где он этот оборот? Старый барон не любил доверять важные вещи бумаге. Второй вариант: деньги отданы по долгам гномам. Бородачам старый барон должен даже после своей смерти. Я, как его официальный наследник, несу ответ по долгам. Есте-

¹² Аркадий Гайдар. Сказка о Военной тайне, Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове.

ственно, только если соглашусь на наследство. Третий вариант: есть ещё одна касса, спрятанная на чёрный день, только где её искать.

Чтобы вы лучше поняли, в какой я жопе... В среднем зарплата дружинникам выходит около семи серебра в месяц на рыло, у кого-то больше, у кого-то меньше. Семь серебра – это ползолотого. В столице на такие деньги невозможно прожить, но тут не столица и цены во многом меньше. К тому же дружину, в отличие от гвардии короля, я кормлю, даю крышу над головой и сам покупаю доспехи и оружие. Так что дружинники получают по местным, пограничным меркам очень до хрена.

У меня уходит в месяц только на содержание дружины около шестидесяти пяти золотых, а в казне всего двести монет. Непорядок, надо сокращать расходы на дружину.

В общем, наличие денег в казне не было бы такой проблемой, платил бы и дальше по старой тарифной сетке, если бы не одно «но». Баронство на осадном положении. То есть я не могу продать на ярмарках продукты, произведённые крестьянами. Не продам продукты – продукты сгниют. Сгниют продукты, у меня не будет денег. Отсюда вопрос: на что мне содержать дружину через несколько месяцев? Забесплатно никто горбатиться не хочет, тем более если это опасно для жизни.

Сейчас я, по идее, должен вам что-то красиво соврать, что распорядился, и вокруг наступил мир и процветание, но

хрен там. Это жизнь, а не фантазии. Все жрать хотят, и крестьянин, и дружинник, и придорожная синявка.

Думаете, я просто распоряжусь – и всё само собой образуется? Вроде той чуши, что простолюдины люди подневольные и из-за страха будут меня во всем слушаться? Перегнёшь палку и сам будешь не рад. Тут пограничье, несогласные с прихотями дворян вливаются в местные разбойники. Умеренная оппозиция, мать её так! То, что оппозиция имеет право на протест, я согласен, но их методы, убийство всех, до кого дотянутся – это перебор.

Я стоял у озера. Безветрие. На озере почти нет волн. Камни. Разные камни. Есть камни – валуны. Есть камни – галька. Песок под ногами. И серые волны мёртвого озера.

Моё озеро мёртво. Озеро, в котором нет рыбы и водорослей. Моё озеро – это просто вода. А я мечтаю о том, чтобы в этой воде была рыба... Вода, в которой нет жизни, как это красноречиво для психиатра...

Я принимал своё ополчение, собранное по моему приказу старостам. Шестьсот восемьдесят три человека, включая стариков и детей. Это те, кто не задействован в военной службе. У всех дети, семьи... Да и просто они жить хотят.

Что я мог им сказать, из того, что их воодушевит и подвигнет встать под моё знамя?! Я ничего им не мог сказать.

– Все вы собраны здесь по моему приказу – начал говорить я, и за мной повторял, орал десятник Эрте. – Кто хочет быть настоящим мужчиной?!

Эрте орал вслед за мной, а я офигевал от себя самого. Господи, что я несу?! Если кто думает, что рядом почти с семью сотнями можно что-то говорить шёпотом, а не орать, то вы дебилы, вас бы в армию. Да, не об этом речь. Я говорил не то. Не те слова говорил!

– Кто хочет войны и славы! Выйти из строя! – орал я, а вслед за мной повторял Эрте. Никто не вышел.

– Обещаю деньги и славу! – орал я, а за мной Эрте. Никто не вышел.

Никто не вышел, и сейчас, по идее, я должен взбеситься и всем показать, что значит «наматывать верёвку на...». Но вы ошиблись. Я слегка дистанцировался от происходящего. Помолчал. Понял, в чем загвоздка.

– Старики и дети не нужны, – орал я, позабыв про Эрте. – Всех убьют! Ваших матерей изнасилуют! Ваши сестры уже шлюхи! Они могут сопротивляться, но их будут использовать! Ваши братья, дети, внуки убиты!

Я заткнулся. У меня запершило в горле. Я всего лишь я. Я не властен над людьми. У людей всегда своё мнение.

– Я набираю себе гвардию! – орал я. Эрте орал вслед за мной. – Кто не гвардия – идёт первым на стену!

Уже что-то. Я вижу, что последние слова зацепили за ум самых умных.

– Кто не военный второго призыва, тот платит вдвое больше налогов! – продолжал я страшить.

– Всё понятно. – шепчу я сам себе. И после заорал: – Жи-

вые, шаг вперёд! Те, кто умрёт!... Стоять на месте!

Не сразу, но некоторые люди двинулись вперёд. Я понимаю, что далеко не все слышали меня, но стадное чувство ещё никто не отменял. Вышло из строя только около трёх десятков.

– Вы все говно! Вас будут резать илмарцы! Баб трахать! Кто трус – стоять на месте!

Адрус рядом со мной засомневался. «Очко зажало от такой массы, пусть даже и крестьян. Он что-то мне шептал, но кто его слушал.

– Мне плевать, кем вы были! Илмар будет убивать всех! Кто сомневается, тот дурак!

В общем, я нёс всякую чушь, но на неё почти никто не повёлся. Едрён батон, срыв мобилизации.

То, что на меня забили простые крестьяне, я стерпел. Вызвал к себе старейшин и чётко сказал, что от каждой деревни мне нужно тридцать добровольцев. Кто не даст добровольцев, тому повышенные налоги за охрану их спокойного сна. Суть предложения к старейшинам в том, что добровольцы не дружинники, а ополчение. Они не воюют, а дополнение к войскам.

Помню, я что-то брякал насчёт законов военного времени и что нам надо всем быть как один. Сам себе поражаюсь, какую чушь я нёс. Такую чушь хорошо нести неопытным мальчикам, а не битым жизнью мужикам. Они же не мальчишки, сами всё понимают, но не говорят. Ситуация из категории

«верхи хотят — низы понимают, что так для всех лучше, но платить жизнями не желают».

Чтобы вы меня поняли, поясню на истории Земли. Волнения на Украине. Луганск и Донецк. С одной стороны, укренные фашисты, ровняющие «Градами» мирные города. С другой стороны, неорганизованная толпа мятежников.

Поймите правильно, гражданская война это самая страшная из войн. Брат на брата, сын на отца, мать убита твоими соседями по фронту. Не об этом речь.

Когда из России ехали добровольцы на войну, из них мало кто держал оружие в руках в последние десять лет жизни. Добровольцы бросали семьи, дела и бизнес, а им навстречу ехали в Россию те, кто бежал от войны. Сколько было добровольцев из России? Тридцать? Пятьдесят тысяч? Не в этих цифрах дело. Сколько сбежало хохлов от войны? Полтора, два миллиона, из которых половина недомужчин.

Почему простой слесарь из Сибири умер за свои убеждения вдали от своей земли, а хитрожопый хохол убежал, забыв свою малую родину Почему малую родину одних защищают другие, которым по сути нет дела до этой земли?

Бегство миллиона недомужчин... Что это?! Трусость? Расчёт? Или они просто быдло, стелющееся под любую власть, у которых нет гордости, нет чести, нет яиц?! Пока одни думали, как унести ноги от войны, другие влезали в долги, чтобы на перекладных добраться до передовой.

Я не спору, что было всякое. Что было два параллельных

набора в добровольцы. Были те, кому платила Россия за участие, и были те, кто воевал по зову сердца. Последних было намного больше.

Я всё понимаю. Я могу понять, если у мужика малые дети, семья и прочее. Я не понимаю другого. У добровольцев тоже были семьи, а они всё и всех бросили. Пошли воевать за то, что они считали правдой. Именно считали правдой! Ведь правда у каждого своя.

Своя правда есть и у тех, кто убивал мирное население с другой стороны. Кому-то это может показаться странным... Но и у них есть своя правда!

Если вы меня не поняли в этом, то я сочту за честь пожать вам руку.

А если поняли сказанное, то теперь я попытаюсь понять, кто вы. Вариантов всего три: такие же, как я; дураки или просто сволочи...

Сейчас в долине такая же ситуация. Есть кадровые военные. Есть те, кто понимает, что нужна мобилизация, но желают отсидеться за чужой спиной. Этих как всегда гораздо больше. Третью категорию не хочу упоминать...

– Ладно, мужики. Мои мысли вы знаете. Все вы не дураки. Понимаете, что будет с живыми в долине, если илмарцы придут... – говорил я старейшинам деревень на берегу горного озера. Толпа из согнанных крестьян топталась в ста метрах от озера, а мы тут.

Я сижу на раскладном деревянном стульчаке и неспешно пью пиво. Рядом стоит Хелми и Эрте в качестве эскорта. Тут же рядом отирается Гумус на правах оруженосца и Коим как мой счетовод и советник по экономике.

Ещё четыре старосты моих деревень стоя пьют пиво. Старейшины не моих деревень стоят рядом, но пиво им никто не предоставил. Мои старосты – это мои старосты. Я не случайно дал им такую преференцию на фоне остальных старейшин. Пускай остальные знают, что быть моим человеком это гораздо больше, чем быть просто вассалом моих вассалов.

– То, что я говорил перед толпой, это одно... Вы сами понимаете, что я прав... Тяжёлые времена требуют тяжёлых решений, – я говорил и наблюдал за мимикой старейшин.

Смотрел и понимал, что пять старейшин из одиннадцати я в любом случае сниму с постов только за их мимику. Два карьериста и труса, один слишком туповат, четвёртый мне просто не нравится. Под вопросом снятие с должности старейшины деревни Озёрного. Ему в плюс, что он до конца верен своему мёртвому рыцарю, просил за его детей. В минус то, что он трусоват.

Хотя, что это я тут распыляюсь. Сравню результаты их правления, и кто-то, возможно, и останется на своём посту. Ну не нравится мне человек, и что?! Это не повод разбрасываться хорошими кадрами...

Молчат. Слушают меня, а мне по сути больше нечего сказать из патетики. Ждут моего конкретного предложения. Я

в этом их понимаю. Сам себе я сейчас напоминаю торговца, что уже знает, что его товар купят, остаётся только договориться об условиях продажи. Я это к тому, что все понимают, что я могу включить режим самодура, и у всех после этого будут проблемы. Будут проблемы и у меня, но у меня больше шансов пережить проблемы от своего самодурства. Но это не наш метод. Гораздо выгоднее договариваться...

– Я всё понимаю. Где война, а где простой крестьянин... Я понимаю, что некоторым страшно... Даже не так... За свою семью люди будут последние жилы на себе рвать. Я о другом... что может один против десятка на пороге дома... Даже двое против десятка... либо остановим Илмар на стене, либо... Я знаю, что вы это знаете... – говорил я и сам поражаюсь тому, что говорю.

Может, перед другими людьми я говорил бы другими словами. Может быть, я много матерился, может, угрожал, может, уговаривал, может, приказал бы, может... но тут другой случай. Старый барон был милитаристом, и это надо всегда учитывать.

Как думаете, может ли милитарист терпеть гражданских?! Сразу скажу, ещё как может, но только если эти гражданские выгодны и полезны. Я же упирал на то, что не только старый барон милитарист. Я упирал, что я какой-то мере сам такой же. Я это к тому, что, если не вышло зайти с прямого входа, то есть чёрный вход. Я этот чёрный вход интуитивно вижу, касательно старост старого барона милитариста.

Кем могут быть старосты в деревнях милитариста? Фанатики? Дураки, что пороха не нюхали? Дураки, что порох нюхали?

Нет, это может быть только нечто среднее между ними. Одна крайность – это похеренная экономика деревень. Другая крайность – это люди, на которых нельзя опереться. Поэтому неудивительно, что я так говорил. Да и вообще в целом себя так вёл. Сидел на стульчаке и пил пиво вместе со старостами моих деревень...

Допив пиво, я достал фальшион из хитрых зажимов ножен. Воткнул меч в землю. Фалину по барабану, не заржавеет. Что бронзе будет – это не сталь.

Это не просто демонстрация силы, это знак для умных обо мне самом. Фальш из чёрной бронзы орков. Фальш – это оружие одного удара, в том смысле, что защищаться от инерционного оружия трудно, таким оружием всегда нападают. Меч – это отражение внутренней сути человека. Впрочем, простые вояки никогда об этом не задумываются. Для них меч – это просто меч.

– Пока тень от моего меча не переместится сюда, я хочу видеть списки тех, кто был за стеной за последние несколько лет. Всех, кто был за пределами долины. Я хочу видеть в списке всех, кто умеет воевать. Я хочу видеть всех, кто не имеет своей семьи. Я это про тех, у кого нет своих детей или жены. Я хочу видеть, кто согласен мне служить. – Я прервался, отхлебнул пиво. – В любом случае... Когда тень дойдёт

досюда, мне нужно, чтобы там стояли тридцать человек из вашей деревни. Сделаете это – хорошо... Не сделаете, я подумаю, зачем мне нужны такие старейшины...

Вот он кнут. Карать всех я не могу, так и до бунта можно довоеваться. А вот карать тех, кто пользуется привилегиями своего положения, я ещё как могу.

– С каждым из ваших деревень я поговорю лично. Если он достоин, то будут вашим деревням льготы на налоги, а вы сами останетесь на своих постах. Если человек не подойдёт, то я подумаю. Меня не волнует, кто будет стоять в строю, мальчик или старик. Мне важно только то, готов ли он воевать за долину! За свою семью! – последние слова я почти прокричал. Нервы сдали, поймите меня.

– Мне важны в первую очередь те, кто готов защищать свою землю... Меня некоторые из вас просили воли... – красноречивый взгляд на моих старост. – Кто будет в этих списках, тот по условиям разговора будет первым в списке на свободу... Моё слово! Клянусь в этом Рарнором!

На моё удивление, половина старост вздрогнули при моем упоминании Рарнора, как будто я сам стал богом смерти. Я в очередной раз не придавал этому значения. Для меня это просто имя, а не бог. Мой Бог – это мой Бог!

– Остальные, свободу получают как выйдет, – продолжал я. – Я знаю, что некоторая часть должников... не занимали у моего отца ничего! Но я не знаю, кто конкретно был должен, а кто сейчас пытается списать долги, пока я не в курсе!..

Молчать!.. Ещё раз!

Я выдохнул и повторил свои условия. Оставить на посту старост, что наберут добровольцев с упором на милитаристов. Обещал налоговые льготы для деревень милитаристов. Обещал свободу от долгового рабства для милитаристов. Ну и ещё под конец добавил, что добровольцам будут выплачены некоторые деньги. Коим при этих моих словах чуть ли не за голову схватился. Я его понимаю, в казне и так почитай нет денег, а я новые расходы ввёл так походя.

Не ссы, Коим, я тоже не дурак. Деньги ещё надо заслужить, а обещать я могу что угодно, главное условия выполнения моих критериев...

Об остальном я не буду подробно рассказывать. Я обещал старостам платить ополчению небольшие деньги в мирных условиях, но только на момент учений. В военное время обещал платить чуть меньше, чем дружинникам. Обещал им давать послабления на периоды пахоты, посева, сбора урожая. У них в это время должна быть ротация, сотня дома, сотня на пахоте или сборе. День, другой и сменщики уходят на нужды семей. В остальное время учения и изредка караул на стене.

По деньгам я ничего конкретно не озвучивал, мне самому этот вопрос интересен. Надо многократно посчитать, что я потяну по расходам, а что не потяну.

Сейчас осады нет, но не всё так просто. Ближайшая ярмарка у графа Илмара, так что слать свои караваны туда — это гарантированно убивать своих людей. К остальным зем-

лям слать свои продукты – тоже рискованно. До остальных владений со своими ярмарками караваны просто не дойдут. По всему выходит, что гнить этим продуктам на складах. Вот так вот. Урожай даже ещё не посеян, а я уже предполагаю потери.

Когда тень от моего фалыпа достигла установленной метки, я по-другому смотрел на толпу крестьян.

Сейчас я, наверное, должен вам что-то красиво соврать, что у всех деревень нашлось тридцать добровольцев. Но вы что, в сказки верите? Я изначально завышал планку по добровольцам. Я изначально рассчитывал на меньшее количество людей.

Моих добровольцев было около ста семидесяти – ста девяноста. Все разносортные, от совсем дряхлых стариков и до совсем уже малолеток. В общем, были все, кого не жалко старостам, с редкими проблесками тех, кто сам попросился или был по списку требований.

В первую очередь я отгородил от общей массы тех, кто ценен. Охотники, бывшие военные, отморозки, бессемейные. Ещё раз. Бессемейные, отморозки, военные, охотники. Это костяк ополчения, пусть даже они сами пока об этом не знают. С остальными я занимался беседами.

Вот скажите мне, как я должен относиться к старику, что сам рвётся в бой, но ему уже за семьдесят. Он и сам понимает, что в его годы он не боец. Кто-то вякнет, что он опытен и может многому научить молодёжь, но кто вы, чтобы вякать?!

Мне тут по месту лучше видно. Старик всегда был обычным рядовым пехотинцем. Чему он может научить молодёжь?

Или другая ерунда. Стоит сопля, которого я первым же чихом с ног собою, и вопит, что он мечтает отомстить за отца или брата. Патриоты, мля, выискались! Дураки! Вам, мля, ещё детей своих оставить надо, чтобы мечтать о подвигах!

Если кто против моего заретушированного мата, то сори, вас бы в армию, там поймёте. Сам противник мата, но не я рождаю ситуации, а они сами появляются. Я просто достоверен ситуациям... На собеседования у меня ушёл остаток дня. Я спрашивал, слушал, пытался понимать. У каждого было что-то за душой кроме крикливой патетики, которой я пытался давить перед общим строем. Что-то было у всех, но что? На всех у меня не хватало времени и нервов.

Я сидел и слушал очередную историю от человека, а у самого в душе пустота. Поймите меня. Выслушать об убитой матери, отце, друге, брате один раз – это нервы. Второй раз – неприятно. Третий раз – привычно. А потом это просто фон...

Впрочем, от некоторых историй и меня пробирало до печёнки. Я с возрастом зачерствел душой, но и меня временами пробирает. Хотите, я вам расскажу, как срезать глаз с живого человека? Или что вопит тело, когда рвут ключицу?

Всего второго пополнения вышло сто сорок один человек. Половина непотребы, старики и дети, но мне выбирать не приходится. Около сорока я отсеял из ополчения по причи-

не полного мусора. Критерии мусора описывать не буду, они интуитивно появляются у любого, кто был в армии.

Если кто подумал, что я от них избавился, то вы имбецилы. Народу и так кот наплакал, чтобы даже таким разбрасываться. Они стали военнообязанными на случай войны. Короче, стали обозниками по возможной мобилизации.

Ополчению я пообещал от двух до трёх серебра в месяц, потраченный на учения. Это условие мне вовремя шепнул Коим. Золотой мой человек. Я с учётом моей немного пьяной, разгулявшейся души обещал бы вдвое больше. А потом пришлось бы соблюдать своё слово, либо показывать себя «пи...лом. За то тебя я и ценю, Коим, что ты мой стопор, когда дело касается денег. Ты же не я, пьяный дурак, считать умеешь...

Теперь по составу ополчения. Я тут сыплю деталями про ополчение и потому правильно будет сказать о первом ополчении.

Первое ополчение из деревни Стены от кор-э Марвука, также из деревни Оплот, из деревни Бобровый Ручей от кор-э Озлура – тоже рядом со стеной у ущелья Малого Пути. Там преимущественно селились бывалые люди, на случай усиления. Частично в первой мобилизации участвуют люди из деревень Нора, Пашня, Малые Холмы.

Всё это, конечно, хорошо, но практика показала, что этого мало. Липовый батя всё хорошо рассчитал, но не учёл усиления графства Илмар...

Теперь же мне выпало грызть зубами за то, что мне особо и не нужно. Я сбежал бы. Раньше сбежал бы. А теперь мне некуда отступать. У меня сын, получившийся по случаю. Взял бы сына и убежал бы, но есть серьёзное «но». Антеро рядом со мной уже нет. Мы же мечтали о другом. Пусть его уже нет. Есть Я. Я за Него. Если кто думает, что прожить Мечту Друга за него самого – это просто слова, то тот позёр и малолетка. Вас бы в окопы... Хур Симаргл... Дебилы... Кто не понял, то ещё раз: «Хур Симаргл... И идите на буй».

В общем построении люди были разбиты по трём условным возрастам. Начал я с малолеток.

– Кто убивал?! – орал я. – Убивал хоть быка, хоть кролика, хоть курицу... Шаг вперёд!

Шагнуло больше половины малолеток. Специфика средневековья и деревенского быта. Так не пойдёт. Надо сделать выборку и из них.

– Строиться там! Ждать дальнейших приказов! – вторил моим воплям Эрте.

Будет у молодёжи и пробежка, и отжимания, и прочая физуха на предмет выяснения самых выносливых. С остальными был отдельный разбор полётов.

Потом я говорил со стариками. Некоторые старики были настолько дряхлые, что я послал бы их лесом, если бы не ситуация.

Потом говорил с мужиками в расцвете лет. Эти были самыми нетипичными. Были мутные типы, что искали себе на

передовой льгот. Были фанатики, у которых жизнь свелась до мести, но таких было всего пятеро. Были и обычные крестьяне, и бывалые люди. Я брал всех. Всем найдётся применение.

Ополчение я разбил не как обычно по десяткам, а по специализации. Шесть бывалых охотников – это костяк моей войсковой разведки. К ним ещё два десятка молодёжи, пускай опыт перенимают. Даст бог выживут, тем более что сейчас дикие расы частично нас не трогают, мирные договорённости. Их задача – патруль за пределами долины, разведка и донесения.

Охотники отбирали пополнение по себе. Я поначалу хотел им навязать в подчинение самых патриотичных, но вовремя остановился. Понял, что мне не понять критерий хорошего охотника. Кто я?! Чувак, что что-то из себя пыжится, а они на этом собаку съели.

Было полсотни мужиков линейной формации. Доспехи, щиты, копья, мечи. Оружие – я им выдам. Слава богу, трофеев после битвы у стены у меня хватает, да и в запасниках есть кое-что...

Остальные были самый непотреб. Вот скажите мне, что делать с шестьюдесятью малолетками и стариками? В другое время я бы послал бы их далеко лесом, но это время прошло. Я понимаю, что это самые инициативные, с остальными ещё хуже. Будем воевать с теми, кто есть.

По итогу формирования ополчения вышло: три десят-

ка армейских разведчиков. Не путать с разведкой в целом! Семьдесят строевиков. Щиты, копья и мечи – линейщики. Четыре десятка диверсантов. Из них правда настоящими диверсантами станет один или два, остальные отсеются по условиям подготовки. Отсеявшиеся диверсанты станут стрелками, пехотой, армейской разведкой, да кем угодно, если есть способности и необходимость.

Ну, ничего. Стрелки тоже нужны. На складах лежат двадцать три крепостных гномьих арбалета. Это такие штуки, что просто капец. Крепостные арбалеты это вам не лёгкие машинки, это десятикилограммовые дуры. К тому же конкретно эти арбалеты усилены какими-то рунами, письменами. Что это, я так и не понял, но это тоже имеет своё значение.

В общем, эти арбалеты навывлет пробивают подряд до трёх человек в доспехах. Одна беда, заряжать эти штуки долго. До полутора минут надо вертеть рукоятки червячных передач. Так что штуки эти сугубо специфические.

Из таких арбалетов стрелять по кому-то нелепо, любой самый корявый лучник за время заряжания этих арбалетов десятков раз успеет выстрелить и попасть. Но вот, если собрать эти арбалеты в одну кучу, скрытно за щитами строя подвести почти в упор к строю противника? Представили? Если не поняли, к чему это я, то и не надо дальше представлять. Потом поймёте.

Скажем так, только за счёт этого фокуса с арбалетами гло-

бально ничего не решить, но этот фокус в нужный момент может доставить массу проблем противнику.

Глава 6

О контрабанде, крестьянском восстании и бароне-террористе

Последующие несколько дней пролетели незаметно. Они просто слились для меня в один большой день. Я погряз в бумагах, расчётах, согласованиях, расспросах, инспекции и прочих важных, но утомляющих вещах.

Между делами выяснилось, почему на Элбу была записана деревня. Кое-что прояснилось за разговорами, а остальное пришлось домысливать самому. Элба-то, оказывается, был «ширмой». Ну, как бы это сказать, местным аналогом фирмы-однодневки. Хотя, черт знает, как назвать его роль в аферах старого барона. Фирма-однодневка – это просто самое подходящее определение его роли в аферах. В общем, он отмывал деньги и частично заведовал контрабандой.

Выяснилось кое-что и про самих контрабандистов. Скажем так, я начал предполагать объёмы наличности, пущенной в оборот. И мог только скрипеть зубами, что такой хороший боец и человек погиб. Настолько нужный человек погиб.

Всё, что я понял, так это только то, что теперь всю систему контрабанды надо делать с нуля. Утеряны ключевые люди, занятые в процессе. Руководство среднего звена, те, кто

непосредственно сами караваны водит, на связь выходить не спешат. А кто бы спешил?!

Ещё непонятно, удержу ли я баронство, да и вообще, утвердит ли меня король на баронство. Я же как-никак по бумагам бастард, вроде имею какие-то права, но кто знает, как на деле повернётся.

Хотя не думаю, что это основной фактор не выходить на связь. В контрабанде нет подданных или законопослушных. Всё держится на авторитете, страхе, связях, компромате, а этого по наследству не передашь.

Зачем старшим от торговли идти под меня? Они, наоборот, всеми копытами будут отбиваться от этой чести. Смена власти в долине для них удобный момент стать боссами. Пока я выясню, к кому ведут ниточки слухов. Пока я их найду. К тому же они наверняка понимают, что ближайшие годы мне будет не до них. Вот и заборзели анонимные невидимки. В общем, они за это время сумеют раскрутиться.

Для меня вышло боком, что старый барон не вёл подробные архивы и вообще всё делал, чтобы сложно было что-то раскопать в его делах. Даже о том, что барон был главой контрабандистов, не все из его приближенных знали. Как при таких раскладах что-то серьёзное нарыть?

Да, я бы плюнул на тех, кто под шумок в долине решил стать самостоятельными. Отделились, стали конкурентами. Да и хрен с ними. Проблема в другом. Денег много пушено в оборот, и получается, что на эти деньги старшие экспеди-

торов меня обнесли...

Впрочем, что это я всё о себе и своих заморочках. Тут у нас в провинции всё кипит и жизнь бьёт ключом. События происходят почище шекспировских пьес. Короче, учудили кор-сэ и мой оруженосец. Подкинули мне головной боли.

Эти два кадра на почве любви ко мне, а отсюда и чувства безнаказанности в долине, выразились по полной. Кор-сэ Адрус ладно, что с него взять, привык что в столице ему всё сходило с рук... Но куда Гумуса нелёгкая занесла?!

Эмоции в сторону. Два этих дебила сошлись, несмотря на разницу в возрасте и социальном статусе, на почве того, что им скучно. Мне эти дни было не до них.

Собрались два дитятки и поехали на охоту с небольшим числом сопровождающих. Сама охота ещё ладно, ну что с ними в долине может произойти. Я что-то вякнул, не отрываясь от подсчётов, типа: «Валите куда угодно, только не мешайте». И эти свалили... Эти два кадра напились на охоте. Само собой ничего не поймали. По пьяни не доехали до замка. Решили заночевать в ближайшей деревне.

Деревенские этому были только рады. Едритьколотить, целый кор-сэ не побрезговал их деревней. Всё самое лучшее таким дорогим и уважаемым гостям. Определили на ночёвку в лучший дом в деревне. Собрались за общим столом все уважаемые люди. Самые сочные девки на разносе блюд к столу. Вот на этих девках два остолопа и поскользнулись.

Я уже как-то рассказывал, что к женщинам в королевстве, да и в Раяне в целом, отношение сугубо специфическое. С одной стороны, женщина – это недочеловек. Что вы хотите – это средневековье. С другой стороны, тут куча подводных камней. Если тут женщина почти ничего не решает, то это не значит, что за женщину тут не прилетает по полной. Поймают за делом или со спущенными штанами, и началось. Кто же в здравом уме откажется от возможности освободить вас от ненужного имущества и жизни, при таком хорошем поводе.

Значительная часть рыцарских баек о даме сердца – это байки об изменах. Вспомнить хоть ту же Гвениверу¹³. Большая часть вызовов на дуэли из-за чести дамы – это повод устроить дуэль из-за политики, экономики, права на трофеи, да и просто по причине плохого настроения. Впрочем, это относится не только к дворянству. С людьми попроще куча мелких нюансов.

Ну, учудил бы Адрус в столице, и что? А ничего. Дорогая, я за свободные отношения, и будь рада, что я облагородил твою породу. А тут пограничье. Тут не слышали о тонкостях столичного этикета ухаживания за дамами, о мезальянсах и прочей дворянской ерунде. Тут и о законах имеют самое общее представление. Народ тут живёт традициями, а на закон поглядывают, прислушиваются к закону и делают, как положено по традиции.

Помню, Антеро мне много «ездил по ушам», ещё когда

¹³ Жена короля Артура.

я был оруженосцем, о том, что по законам на кобыле может побывать только два жеребца. Сюзерен в брачную ночь и её муж, иначе капец.

Как бы это сказать. Антеро тогда мне мозги вправлял по закону, а я его тогда чуть ли не завалил сгоряча. Старый мне тогда не рассказал, что в пограничье закон – это птица редкая, и всё бывает по ситуации. Я это потом сам, без его матов понял...

Что тут сказать по ситуации с двумя упитыми до усрачки мудаками. Сори за мои жаргонизмы. Поверьте, я сдерживаюсь от настоящих матов. Эти два долбоящера насрали от души и в самую душу.

У меня тут всё на соплях держится, а они порезвились. Я тут в долине боюсь пукнуть лишний раз, лишь бы закрепить-ся, удержаться в первое, самое сложное время, а они мне так гадают. Жеребцы, блин!

Адрус ещё куда ни шло. Какое-то понятие о дворянах местным не чуждо, а вот мой малолетний оруженосец залетел по полной. По факту он никто, он ещё не дворянин, не рыцарь. Его статус по местным законам на уровне зажиточного горожанина, а по факту он ниже простого крестьянина. Вот ему и предъявили поутру. Женись.

Знаете, я живу не первый день на свете. Я отлично понимаю, что с учётом их упития им наутро могли предъявить, что они всю ночь насиловали корову или даже быка. Какие тут разговоры, был пьяным, какая тебе вера. Я отлично по-

нимаю, что найти хорошую партию для своей дщери задача нетривиальная. Я понимаю, что под пьяное тело могли и осознанно подложить дочу, чтобы утром быть белугой и тащить под венец ничего не понимающего от похмелья жениха.

Короче, Адруса отмазать от женитьбы, как два пальца обоссать. Гумус же попал. Кого волнует, что она старше его на десяток лет. Попался петух в ошип, вот и не брыкайся. Это ещё кто кого насиловал?

В общем, я ехал до Озёрного после донесения в самом плохом настроении. Нашли где учудить. Дураки, не могли до замка доехать. Тут же рукой подать до замка.

По приезде, взглянув на девиц, потерявших честь, я даже не знал, как реагировать. Гумус ещё ладно. Возраст девицы мне немного преувеличили. Ей за двадцать три – двадцать пять. По местным меркам уже проспала замужество, вот и легла с подростком. Да и внешне она вполне ничего.

Адрус же «зафартмачился». Это же надо так напиться. Кожа да кости, больше на мальчика похожа. Как, оказывается, я о тебе многого не знаю, столичный. Мало того что ты наркоман, но похоже, что ты и...

– Адрус, ты как?! – давал я пощёчины этому телу, что еле стояло на ногах. Само собой, я давал пощёчины в избе и без лишних глаз. Гумус, Гевар, Хелми – не в счёт. – Ты дурак?! Что творишь?!

Кор-сэ мало что понимал и, наверное, упал бы, если бы я его не держал за плечо. Судя по его глазам не в куче, у него

не похмелье. Он до сих пор пьян.

Ну, ты только протрезвей, мой дорогой. Я тебе припомню. Помнится, ты стебался, что я чуть ли не залип в медовую ловушку с дочкой рыцаря, что под меня подложили. Теперь мы квиты, не прошло и трёх месяцев.

– Гевур. Утащи это с моих глаз. – Меня слегка отпустило от первых эмоций.

– Куда его... кор... кор-э...

– Гевур... Хелми свой... Через седло это говно и в замок!

Вор ушёл. Утащил на себе Адруса. Его после ранения сильно подломило. Первые дни как на ногах. Его раны по сути ещё толком не затянулись, несмотря на чудодейственную чёрную мазь. Понятно, почему он не в курсе, что Хелми полностью мой человек.

– Гумус! Но ты-то как?! – проводив взглядом утащенного кор-сэ, я начал по новой заводиться.

– Ваден... они все наливали... – начал пищать мой мелкий. Вот это оборот. *Я, наверное*, впервые для него Ваден, а не кор, кор-э. Теряет страх мой мелкий. То ли матерееет, то ли теряет нюх, что за такое можно и огрести. – Говорили, что мужчина... я боец... рыцарь... Уважь...

Понятно. Развели мелкого на «слабо».

– Кто?! С кем вы пили? Показать сможешь?

– Ваден... Кор-э... Я всё помню... Староста... Остальных не помню... как зовут...

– Всё, говоришь, помнишь?! А имена случайно забыл? –

зацепился я за слова. – Я по тебе вижу, что ты... Не изображай похмелье. И не думай, что так будет в будущем. Постареешь, поймёшь, как это хреново. По молодости похмелья не бывает, так что не притворяйся... А вот так?!

Я дал пощёчину своему мелкому. От своих это любя. От чужих на нож.

– Тебе тут столица примерещилась? Ты дурак или как?! Жениться хочешь? Не притворяйся тут передо мной! Могу легко устроить.

– Кор, я не виноват! Она сама. Сказала, что рубашку надо постирать. Снимай! Спросила, а гладили ли меня... Я сказал, что да... – зачастил словами Гумус, да так, что я не успевал мысленно переводить местный на родной язык.

– Заткнись! – это я по-русски. – В замке поговорим... Ты сам стрелял по дуракам, что пытались нас задержать... Ты помнишь, лес, рыцарь... Адрус спит под лавкой, а я дурак заснул на сеновале! С тобой такая же ситуация! Только убивать тут мы не можем! Дурак! Так меня подставил!

Из деревни я уезжал в дурном настроении. Честно говоря, с девицей Гумусу повезло, в отличие от Адруса. У Гумуса хоть вполне симпатичная. Адрус же совсем учудил.

Хотя что это я на кор-сэ наговариваю. Об этом не принято говорить, но мужской пол знает. Полбутылки водки – это ещё ладно. Бутылка – и поднять малого друга надо ещё постараться. Какие тут изнасилования и соращения? Под них тупо баб подложили. Их тупые слова без раздумий это под-

тверждают. Эти же два кадра, судя по их состоянию наутро, ещё больше приняли на грудь.

Не спорю, Гумус, может, и меньше выпил, но ему и меньше надо. К чёрту всё! Я не ангел, но я и не бес! Дурным тут пахнет от этой истории. Деревенским я сказал, что разберусь. Ещё как разберусь. Сами будете не рады, что так на мякине решили моих проверить...

По приезде в замок я лажанулся. На Адруса я просто забил. Его уже не исправишь. Живи с тем, что есть. Я с Гумусом лажанулся. Сорвался на нем. Много что лишнего сказал ему. «Прости меня, мой мелкий, но я добра тебе желаю». Я за методы извиняюсь, а не за цель...

Назвался рыцарем, так будь им, и хватит соплей, что голова болит! Не может у тебя в твоём возрасте голова болеть! Как оказалось, по поводу боли головы я был прав.

В настоящем похмелье не может человек так успешно отбиваться. Короче, я пытался выбить дурь из Гумуса усиленной тренировкой. Жёсткий спарринг. Тут я и лажанулся. Парень-то возмужал, а я и не заметил. Буду учитывать в будущем...

Я пытался гонять Гумуса по арене замка и понимал, что у меня не хватает дышалки. Да, он слаб. Он малолетка. Но это настоящий бой. Или скорее приравненный почти вплотную к нему, спарринг. Он молод, он вынослив.

Гумус меня просто загонял, несмотря на то, что я постоянно наступал. А что вы хотели. Мне ближе к четвёртому

десятку, а он второй десяток начал проживать.

Я не великий мастер меча или прочего холодного оружия. Я видел в своей жизни тех, кто чихает на правила. Видел также, тех кто ложил таких, как я, пачками. Я правил старуюсь придерживаться только на тренировках. Да и то только на тренировках со своими. Табу, не калечить своих...

Гумуса же полгода натаскивал не только я один. Из таких «сыновей полка» такие монстры вырастают... Любимчик гвардейской части, а потом и форта в пограничье. Думаете, ему были в новинку мои грязные фокусы? Чисто сработать не удалось, мальчик вырос...

Он меня дразнил и отступал. Я пыхтел, следовал за ним, но попасть по нему не мог. Я тупо сливал на выносливости. Скорость удара у фехтовальщика сохраняется до старости, а вот выносливость уходит. В отличие от бокса, где сохраняется способность нокаутировать независимо от возраста. И сразу посылаю тех, кто не согласен. Про бокс пропустили. Вот пропустите и про фехтование. Иначе мне нечего вам говорить, раз вас настолько испортили, что теряете скорость...

Парень кружил, уходил по кругу, сливал мои удары по кругу, отступал, и я начал выдыхаться. В общем, он пятился. Он играл на моей психологии наступления и ждал, пока я выдохнусь. Кто там воет, что масса решает всё?! А, боксёры! Ну да, блин, боксёры, признанные эксперты в ножевом бое, не говоря про бой на клинках в целом!

Смешные. Да я верю, что ты меня уроешь и сломаешь мне

нос так, что ни один хирург не соберёт, но это на твоём поле. А если на моем поле? Про нож я молчу, сколько вас таких, с перерезанными сухожилиями, на моей совести... А всё вякали, что боксёры...

Масса на клинковом бое мало что решает. Главное скорость реакции, не надо путать со скоростью, а это с возрастом проходит. Первый же пропущенный он же последний. Просто закружи противника, дай ему выдохнуться.

Думаете, грязная техника всё решает? Да, это так... Грязь в стиле многое может поправить в поединке, но только против тех, кто сам не знает грязи. Большинство под грязью понимают песок в глаза, а это просто техничный момент. Грязь – это слом руки в двух местах. Грязь – это укусить за нос. Сам знаю, что укусить за нос это почти нереально, но кто говорил, что это каждому удаётся. Укусить за нос – это высший пилотаж грязной техники. Обычно укус приходится на лоб.

Через десять минут преследования Гумуса по арене я просто плюхнулся на задницу и сказал без всяких фильтров всё, что о нём думаю. С одной стороны, я лажанулся. С другой стороны, я им горд. Поднатаскала мелкого жизнь, сумеет за себя постоять...

* * *

За повседневными хлопотами я и не заметил, что прошло одиннадцать дней, как долину покинул арьергард орков. Но-

чью в замок приехал гонец на взмыленном коне и давай ломиться ко мне на встречу. Хорошо, что Коим не затупил и меня почти сразу разбудили. Проблема нарисовалась откуда не ждали.

Авангард орков вернулся с набега. Что, впрочем, вполне ожидаемо, хоть и чуть позднее. Проблема в другом. Их в долину не пускают.

— Ну не пускают и правильно делают... Меня пусть ждут... — брякнул я спросонья. Дикие народы такие гости, что за ними личный пригляд нужен.

Впрочем, мне быстро растолковали, в чём зацепка. У меня бунт. Около двух десятков бывалых мужиков окопались в ущелье и решили умереть, но не пущать. «Дескать, знаем мы этих тварей, счас их пустим, а они нам красного петуха кинут».

Вашу мать! Мне только крестьянского восстания для полного счастья не хватало. И ведь, что неприятно, я же отчётливо понимаю бунтарей. Десятилетиями в пограничье кровь лилась рекой, а тут я нарисовался и замирился с супостатом. Чем дольше неповиновение продлится, тем больше простодушными крестьянами будет придумано. Купился, продался, струсил и прочее.

Они же видят ситуацию с орками только со своей колокольни. Не верят старым врагам. Думают, что так защищают свои семьи от гибели.

Они же не задумываются, что пока моё слово оркам неру-

шимо, то у нас есть шанс с некоторыми племенами полностью замирились. Что без поддержки орков у долины нет шансов отбиться от графа. Что баронство, не пропустив орков, автоматически рвёт все бывшие соглашения. Окажемся врагами и оркам, и графу. Как всегда, у бунтовщиков благие пожелания, но они ими мостят дорогу в ад. Через полчаса весь замок стоял на ушах. Десятники орали на бывших ополченцев, теперь ставших моей полноценной дружиной. Я отправлял гонцов по долине с приказом «собираться в кулак». Страховался на случай, если орки, когда их пропустим, начнут шалить. Гонец к Озвур у пускай тянет время и ждёт меня. Гонец к стене Марвуку пускай готовится к встрече гостей и разрывает насыпь на месте ворот. Так замотался, что не сразу понял, что дружина уже готова в путь и ждёт только меня.

Ещё не рассвело, а мы на рысях скачем к ущелью Малого Пути. Со мной около пятидесяти человек дружины. Взял всех, на кого хватило лошадей. Остальные дружинники и ополчение топают следом. Они от нас серьёзно отстанут, расстояние-то немаленькое.

С рассветом мой отряд растянулся донельзя. Не у всех кони выдерживали скорый марш. Пришлось останавливаться, ждать отстающих, давать скотине немного отдохнуть. На втором таком кратком привале я плюнул на всё и поскакал вперёд... Озвур меня уже заждался. Встречал со своими людьми рядом с деревней. Доскакал до меня. Спешился. Отдал почести и стал вводить в курс дел.

Мятежников около двух десятков. Все из старого ополчения. Упёртые старики. Засели в ущелье, а точнее в коридоре смерти. На переговоры не идут. Его самого послали далеко лесом. Мол, лёг под предателя, и из-за тебя, дурака, эти гады наших всех порежут. Новый барон нам не барон, мы ему присягу не давали. Этот мальчишка и молокосос ещё под стол пешком ходил, когда мы оркам кишки крутили. Орков в долину не пустим. Если кто сунется, то положим всех без разбору.

Что тут сказать. Серьёзные, не детские заявления. И ведь понимают поганцы, что в коридоре смерти их не достать. Коридор три метра в ширину, по стенам мелкие бойницы для стрельбы и работы копий. Входы в сам коридор прикрывают каменные плиты, раздвигаемые на роликах в пазах ворот. По сути, их оттуда никак не выкурить, там десяток сотню положит, а когда рука колоть устанет, передохнут и вторую сотню положат.

— Как? — всё, что я спросил у Озгура после краткого церемониала. Вроде простой вопрос, но смысл сильно меняется от интонаций, с которыми он произнесён.

— Кор-э... Ваша милость... Моя вина, не усмотрел... — понял рыцарь, что я не в духе.

— Ладно. Забудь. Я ещё от скачки не отошёл, — поспешил успокоить я старика. Перегну палку в стращании, новый бунтовщик нарисуетя. Ведь ему до этого остался только шаг. Его люди бунтуют, а значит, и он сам почти бунтовщик...

– Скажи-ка лучше, кто там засел? Что за люди? Что у них из оружия? На что надеются? Кто первым начал воду мутить?

Ответы рыцаря дали мало пищи для размышлений. По словам Озвур, всё как будто само произошло. Возглавляет мятежников Вэрт, один из самых старых и уважаемых людей в Бобровом Ручье. В прошлом дружинник у старого барона. В старости осел на покой в деревне. Хотя насчёт покоя – это не совсем про него. Стал натаскивать молодёжь и ополчение в воинской стезе, седина в бороде, а всё никак не может успокоиться. Постоянно ходил в караул в коридор смерти. Своих детей нет, но в деревне у него куча родни, всяких там племянниц, внучатых племянников и прочих.

В остальном люди, засевшие в коридоре, – это ополченцы и часть дружины Озвур, приписанные на охране ущелья Малого Пути. Нечего сказать, подложил мне свинью Озвур. За своими людьми уследить не может. У меня одни маты и эмоции вместо слов.

– Проглядел... – выдавил я из себя, когда немного отошёл от первых матов. – Кор-э... Я от вас такого не ожидал...

– Ваша милость... – чуть запинаясь, начал что-то мямлить рыцарь.

– Озвур... завязывай... – прервал я рыцаря. – Ты мне в отцы годишься. Какой я для тебя милость? На охоте мы без этого обходились... Я понимаю, что за всем не уследишь. Давай договоримся... на будущее. Чтобы таких проблем боль-

ше не возникало. Сделанного всё равно не изменишь. Надо думать, как сейчас проблему решить...

От моих слов у Озвур, казалось, камень с плеч упал. Он чуть выпрямился, приосанился. Глаза перестали быть как у побитой собаки.

– Ваша мил... Кор-э... – начал было старик, но быстро поправился под моим взглядом: – Ваден. Разреши сходить ещё раз к ним. Дураки. Жалко таких бойцов терять. Может, уговорю сдать коридор...

– Так... Давай, сходи... Хотя нет! Вместе пойдём. Ты мне лучше другое скажи. Откуда известно, что орки пришли? Как вообще известно, что они пришли? Твои же не пускают в коридор?

– Да тут и говорить нечего. Сигнал рогом был. Услышали, стали собирать ополчение... Хотел со стены посмотреть, сколько их пришло, но меня мои в коридор не пустили...

– Понятно. Значит, бунт спонтанным был? Едой, водой и прочим они не успели запастись?

– А им запастись и не надо. Там всегда запасы на всякий случай хранятся, – огорчил меня Озвур. – Ваша... Ваден, ты говорил, что неплохо бы их выкурить, как лисиц из норы... Не получится... Там узкие шахты под воздух гномы делали... Агир всё сделал, чтобы коридор был неприступным...

– Ладно. Понятно... Магия?.. Тоже нет... Нет таких амулетов... – перебирал я возможные варианты штурма.

Ситуация в целом хреновая. Каждый час промедления –

это минус в мою карму и минус в отношениях с союзниками. Что это за союзник такой, что своё слово не держит. Или, что ещё хуже, не может со своими людьми управиться. Вывод: херовый руководитель – херовый союзник.

– Озгур. Ты говорил, что бунт был спонтанный? – вдруг посетила меня одна мысль. – То есть они не успели с собой свои семьи согнать в коридор?

– Ваша милость! Этого нельзя делать! Так же вся долина восстанет! – затараторил Озгур, недослушав меня. Отчасти он прав. Он понял, что я собираюсь сделать. Законы войны на войне ещё никто не отменял.

Глава 7

Об орках, набеге, гномах, кредиторах и прочем

«Барон-террорист» – эта мысль у меня билась в мозгу во время всех приготовлений. Террор придуман вовсе не в двадцатом веке и даже не в девятнадцатом. Само слово латинское и означает «устрашение». На страхе стояла Римская империя, да и любая другая империя, если задуматься и вспоминать историю. Не исключением было и средневековье. Тут террор в порядке вещей. Вешать несогласных, тактика выжженной земли – это частные проявления террора. Любое государство закрепляет за собой право на силу и этим правом пользуется, если не хочет развалиться. В моем случае либо я пользуюсь своими правом на силу, либо поджигаю хвост и забываю про баронство. Так что выбора у меня особого нет...

– Всё готово, ваша милость. Люди построены, – отрапортовал мне Хелми. На людях он так ко мне обращается, а по имени только в близком круге.

– Молодец. Останься со мной. Не вставай в строй, – сказал я и как будто в ледяную прорубь окунулся. Сейчас начнётся...

Я стоял перед своими дружинниками и ополчением. Тут

стоит около девяноста человек, остальные ещё на марше, ещё не подтянулись к деревне. Я стоял. Молчал. Не знал, с чего начать. Тут сейчас решается, быть ли мне бароном или, может, умереть тут же, от бунта своих парней. То, что я скажу или даст мне возможность удержаться ещё какое-то время на плаву в качестве барона, или...

– Парни. Мужики. Воины! Не все из вас знают, почему мы здесь собрались. Я расскажу.

Стою. Говорю. И понимаю, что неправильно начал речь. Только одно радует, что начал с сути. «Не все знают». Как же. Это чушь. Все знают, почему мы здесь. За время марша наверняка все языки себе стёрли. Но именно такие слова мне нужны в начале. У них свой вариант правды. А я хочу дать свой вариант правды. Обе правды почти равноценны, но дьявол, как всегда, прячется в деталях.

– У всех у вас в долине семьи, друзья, близкие. Я поклялся защищать долину от врагов. Вы поклялись помогать мне в защите своих семей и близких. Каждый из нас делает, что может, для этой цели! – блин, как много пафоса в словах, так меня могут и не понять. Тут люди попроще. – Все вы знаете, что враги бывают внешние и внутренние. Есть враги, которые хуже змеи. Змея, пригретая на груди, всегда кусает ядом! – опять не то говорю. Вижу волнения, перешёптывания в строю. Хреново, так и до своей кончины можно добазарить.

– Я хочу, чтобы вы знали. Те, кто засел в ущелье, нам не

враги! – смотрю на настроение толпы, быстро поправляю себя я, свои прежние слова насчёт змеи и внутренних врагов. – Они наши братья. Наши друзья. Наши отцы и деды!

Шёпот в строю начал набирать обороты. Мужики дезориентированы, ждали одного приказа – рубить своего земелю и родича, а тут я дал заднего.

– Но злой враг среди нас! – заорал я во всю глотку, пользуясь сумятицей в строю. – Злой враг пришёл на наши земли! Пришёл грабить, убивать. Насиловать наших матерей, жён, сестёр, детей! Будь проклят подлый граф Илмар!

Люди в строю перестали шептаться, замерли и ждали того, что я дальше скажу. Ещё бы. Собрались тут для одного, а я за другое говорю.

– Будь проклят подлый граф Илмар! – прокричал я повторно. – Кто со мной?! За счастье нашей долины?! Тот поддержит мой крик!

Я ждал их крика, но было как-то вяло, из-под палки. У всех нервы на пределе, а я тут митинг устраиваю.

– Будь проклят подлый граф Илмар! Ну же! Среди вас только трусы и подлые илмарцы?! Не слышу вас! – продолжал распаляться я.

Теперь в строю уже кричали громче.

– Смерть Илмару! Илмар убивал на стене ваших друзей, братьев, отцов! Смерть Илмару! – орал я.

– Смерть Илмару! – протяжно и в разноголосицу подхватил строй.

– Смерть Илмару! – вопил я, чуть ли не срывая глотку.

– Смерть Илмару! – вторил мне строй, спеша скинуть напряжение.

Дайте людям цель, и они пойдут к ней, невзирая на препятствия. Если нет цели, дайте общего врага. Ничто не может так сплотить людей, как общий враг.

– Илмарцы среди нас! – продолжал орать я.

Тут, признаться, я лажанулся. Мой крик почти никто не поддержал. До самых умных начало доходить, к чему я веду свою речь. Надо давать заднюю и объяснять, в чём дело.

– Моего отца отравили илмарцы. Ваших братьев в ущелье обманули илмарцы, – сказал я почти шёпотом, но шёпот так хорошо слышно, когда все молчат. – Вы все меня хорошо знаете. Я всегда держу своё слово. Нет пощады Илмару! Илмар наш враг, – говорил я чуть громче, играл на перепадах интонаций и голоса.

Конечно, я врал. Кто тут меня хорошо знает?! Да почти никто. Пусть стоят и переглядываются, выискивая среди своих моих тайных сторонников, которых у меня почти нет. Чем больше паранойя среди моих бойцов на предмет доносчиков, стукачей и верных мне людей, тем легче они воспримут меня. Побоятся вякнуть своё несогласие, ожидая сталь в спину.

– Илмарские шпионы и лазутчики обманули лучших среди нас. Обманули Вэрта! Вэрт и его люди – наши братья, отцы и деды, – вкинул я новую вводную и проорал: – Смерть Илмару и его лазутчикам!

– Смерть Илмару и лазутчикам! – постепенно в разных частях строя начались выкрики.

– Смерть Илмару и лазутчикам! – вторил я строю, дожидаясь пика криков.

Вроде наступил пик криков, пора и высказать основную часть митинга.

О чём я в дальнейшем говорил, кричал, шептал, сам не особо и помню. Я поддался чувству толпы и лавировал в эмоциях толпы, как рыба в потоке воды. Признаться, в этом есть свой кайф. Поймай волну эмоции толпы и понемногу направляй эту волну в нужное тебе русло.

Я говорил о братьях, которых обманули. О выгодах союза с орками. О беде для долины, если орки перестанут нам доверять, сочтут предателями. О войне на два фронта. Об убитых в долине либо от графа, либо от орков за предательство. Говорил о жертвах в войне ради общего блага. Как воин жертвует собой ради своих близких, так и близкие должны жертвовать собой за общее счастье.

Я много что говорил, всего и не упомнить. Я только помню, как они в какой-то момент пошли вслед за мной в деревню. Большинство шли с пустыми глазами.

Сразу скажу, если кто думает, что митинг нужен для резни мирного населения, так сказать, для устрашения бунтовщиков, то тот полный придурок. Моя задача совсем в другом.

Я говорил перед строем, что мирное население мы не трогаем, но они нам нужны для переговоров. Задача – вытащить

семьи бунтовщиков из домов, вырубать тупыми сторонами копий мужиков, что будут против, и сгонять баб и детей в сторону ущелья. Я говорил, что это блеф. Так нужно, чтобы мы с Вэртом смогли поговорить. По своим родичам они стрелять не будут. Я говорил, что нам нужны только переговоры... Конечно, я врал...

Я не знаю, как всё повернётся. Этого никто не может сказать. Возможно, что придётся и нескольких детей пускать в расход... Чтобы мятежники поняли, что я не шучу. Я бы хотел, чтобы этого не было. Но на всякий случай уже просчитывал, кто из моего ближнего круга способен на убийство ребёнка.

Не вой ты! Вот такая я сволочь. Сам знаю! Смерть нескольких детей – это лучше, чем смерть большинства в долине, когда нас за наши художества спросят... Веришь – нет? Я готов ответить за свои художества. А ты готов? Может, поэтому я барон...

Думаешь я один такой?! Что же ты не бросаешься с кулаками против автоматов, против ФСБ. Если такой умный, то лучше вместо соплей и критики сказал бы, как сам поступил бы на моем месте. Что молчишь? Думаешь, ты такой весь белый и пушистый, языком что-то наторгуешь с мятежниками? Учишь вас придурков, а вы всё такие же дети...

На меня смотрели как на «Зверя из Библии», но пока открыто не бунтовали. Слова про своих людей в их рядах дали мне такую отсрочку от бунта. Между бойцами сновали Ге-

вур, Лорин и Гумус. Остальным я хоть и могу доверять, но не уве-реи, что они сообразят, как действовать. Тот же Хелми, преданный мне, но такой по сути лопух. Пусть будет рядом со мной и Озвуром в качестве усиления.

Бабы выли, кричали, умоляли. Дети плакали. Я скрипел зубами. Пытался быть кремнем. Дашь сейчас слабину – потом уже не исправишься. Ты будешь для всех пустообрёхом. Ездить начнут на шее.

Были и инциденты. Кто-то из моих бойцов что-то завопил и полез с кулаками на побратима, тащившего какую-то бабу. Гевур – молодец. Зашёл со спины и вырубил буяна рукояткой кинжала в затылок. Я всё понимаю. Родня, любимая, но если я сейчас дам слабину из-за одной, то всем конец.

Приказал связать буяна, отправил на его охранение Хелми, ещё раз поманив рыцарскими шпорами. Был инцидент со стариком, что загнал детей в хату и грозился её поджечь. «Дескать, лучше сам детей убью, чем отдам Сатане».

С ним я разбираться не стал. Подъехал и сказал:
– Убивай, убийца! Я защищаю долину. Ты убиваешь своих детей!.. Убийца!

Пока дед офигевал от моей риторики – на него навалился Лорин, за что сразу же получил в глаз. А что вы хотели? Лорин сам мелкий даже по местным масштабам. Лорин лучник, а не боец. За что и отхватил от старика, но дело своё сделал. Связали и старика.

В остальном особых проблем не было. Взяли и согнали

в кучу баб и детей. Мужиков, ещё до набега в деревню, отчасти угнал в поле Озвур, якобы для беседы о восставших. Когда они пришли в деревню, там уже всё было сделано... Мы гнали толпу баб на амбразуры. Это не я придумал, так «чехи» захватывали артсклады в Чечне.

Тех лейтенантов и капитанов, что поддались эмоциям и совести, потом долго пытали. Рядовым просто резали яйца и заставляли их жевать. Тех немногих, что отдавали приказ стрелять по толпе, за которой прятались боевики, потом судили на Родине, но они хотя бы боевую задачу выполнили и сохранили жизни своих бойцов... Думаете, это сказки? Это я придумал? Это правда жизни...

Думаете, мне легко далось такое решение? Я всё ехал и думал, а не упырь ли я? Раньше сам всем сердцем презирал «чехов» за живой щит, а сейчас сам так же себя показал. Падла совесть, всё про это ныла. Разум дятел, вдалбливал мысль, что так лучше для всех. Поди вот разберись, кто из этих двух более прав. Что ценнее: жизни двух десятков по сути невиновных людей или общее выживание долины.

В какой-то момент я поймал себя на мысли, что моя жизнь и жизни людей в долине – это не одно и то же. У меня моя жопа горит, а я пытаюсь спрятаться за лозунгами общего блага. Даже подумывал, если всё пойдёт хреново, купить себе продление жизни смертями детей для устрашения бунтовщиков.

И кто я после этого? Чем я лучше «чехов»? Ну давай, выкни что-нибудь в мой адрес, кинь камень в чужой огород. Ду-

маешь, ты лучше? Думаешь, нашёл бы другое средство? А может, тебе вообще не понятно, почему я тут сопли размазываю по бороде?

Тогда ты даже хуже, чем я. Ведь у меня болит и, значит, ещё живёт. А у тебя не болит и, значит, уже всё отмерло. Выходит, ты ещё более худший отморозок, чем я, хоть ирядишься под белого и пушистого интеллигента.

Я всё ехал и думал. Спорил с собой и думал. Уговаривал себя и уже старался не думать. Единственное, что я на тот момент себе обещал, что если придётся убивать, то я сам это сделаю. Это моё решение. Это моя совесть. Это мне исполнять. Почему именно мне, а не кому-либо, пояснять не буду. Кто может, тот и так поймёт. А кто не может понять, то и плевать на них...

Переговоры с Вэртом, рычащим из коридора смерти, были, наверное, самыми сложными в моей жизни. Он не поверил. Не поверил, что я могу быть настолько отмороженным, что стану убивать незащищённых...

Я же, после объявления своего ультиматума, невольно тянул время. Я сам себя загнал в вилку этим живым щитом. Убьёшь, то они из чувства мести будут держать оборону ущелья до конца. Не убьёшь, тоже паршиво. Я думал, как поступить. Время ультиматума уже истекало, и надо было начинать карать невиновных. Сука, бей своих, чтобы чужие боялись. А ведь не хотел такого развития событий. Но мало ли что я не хотел. Взянул слово – надо исполнять.

Пока я примеривался, с кого начать, из коридора вышел старик. Один. Бросил мне вызов. Были слова, что я гад, и если у меня есть хоть остатки чести, то я приму его вызов.

Так-то, по рыцарским правилам, я не обязан с ним биться. Он мне не ровня по статусу, а значит, может идти лесом. Лучшее, на что он может рассчитывать, это на поединщика с моей стороны, но я тоже не вчера родился. Поединщик может и специально проиграть, а у меня потом будут проблемы пуще прежних, если я слово не соблюду. Пришлось биться самому...

Мы дрались в отдалении от строя и баб. Каждый дрался за свою правду. Но победила та правда, которая сильнее...

Сказать, что для меня было сложно поломать старика, это соврать. Сложно было не победить, а победить с минимальными для него травмами.

Мне было нельзя убивать старика. Убью, всё начинать заново. Ничья – придётся убивать заложников. Про проигрыш я не говорю. Это моя смерть и смерть долины...

Дед был хорош. Явно лучше меня умеет обращаться с холодным оружием. Его топор с окованным железом древком доставил мне несколько неприятных моментов. Я же в ответ не мог его зацепить. Я сливал поединок, сливал своё баронство...

В какой-то момент я вспомнил, как Гумус меня изматывал, и сам стал кружить вокруг старика. Провоцировал старика на атаку. Проваливал его атаку в сторону. Не только

учитель учит ученика, но и ученик всегда чему-то учит учителя...

Деда я реально измотал постоянными отступлениями. Дед по рисунку боя и психологии чистый линейщик, а я смесь линейщика и фехтовальщика с преобладанием первого. Так-то по сути это означает, что вдуваю что линейщику, что фехтовальщику, но тут мне помогает то, что я моложе, более выносливый.

Резко кинулся на сближение после серии отступлений, зажал руку с топором своей левой, кинул через бедро, придав ускорение падения яблоком с фалыпом в голову старика. Придавил упавшую тушу к земле, правое колено на рёбрах, второе зажал правую руку придавив своей массой. Победа она и есть победа, но что-то у меня хреново на душе.

– Добивай... – прохрипел старик, глотая воздух, лёжа на земле.

– Ты дурак! – прошипел я, спешно восстанавливая дыхание. – Повоевали и хватит. Не буду спрашивать, хочешь ли жить... Скажу другое. Хочешь отомстить оркам и Илмару? Хочешь, чтобы твои родичи хорошо жили?

– Ты предатель людей! Ты ешь говно орков! – пытался провоцировать меня на свою смерть старик.

– Ты будешь лично наблюдать за орками, – сдерживая свои эмоции, я глядел ему в глаза. – Ты будешь убивать орков, если они хоть косо посмотрят на людей!

– Так я же всех убью... – попытался усмехнуться Вэрт раз-

битыми губами.

– Значит, так и надо было. Убьёшь так убьёшь! – сказал я, чем ввёл его в ступор. – Орки нам не друзья. Они наши враги! Но пока они полезные враги. Пока они бьют Илмар, они наши друзья! Ты понял меня?!

– Сынок! Говоришь, кого хочу – могу убить?! – усмехнулся бунтовщик.

– Да кого угодно. Мне плевать, кого ты убьёшь, – ответил я, и с ходу родилось решение. Так изредка бывает. Меня озаарило: – Твои родичи будут в заложниках сначала у меня, а потом и у орков. Если твоё решение об убийстве союзников будет ничем не обосновано... Я просто отдам твоих близких оркам. Что они с ними сделают – уже не моя забота, я свои слова о союзнчестве ничем не нарушу.

– Я не буду... – начал было что-то говорить старик, но я дал ему коленом по лицу.

– А я тебе и не предлагаю! – прошипел я. – Либо ты будешь следить за орками, чтобы они не убили никого в долине, либо я тебя убью, и твою работу сделает кто-то другой... Молчи! Я сам не люблю орков! Пойми, дурак! Сейчас они нам нужны! Кому, как не тебе следить, чтобы эти твари наших не убили! Мне что за всеми самому следить? Молчать! Ты, дурак, уже наделал делов! Властитель обязан соблюдать своё слово! Иначе он не властитель, а говно! Я дал слово! Я не могу своё слово нарушить! Твоя задача, чтобы я не пожалел, что я дал слово! Кому как не тебе знать, что орки заду-

мали что-то плохое?! Ты думаешь, что эти сосунки за всем уследят? Решатся на что-то серьёзное? Кому как не тебе решать, когда эти твари что-то плохое замыслият!

– Легко покупаешь... – что-то начал отвечать старик, но я ему наступил коленом на горло.

– А я тебя и не покупаю. Я говорю, как есть. Ты будешь старшим над всеми, кто у меня есть... на это время и до тех пор, пока орки минуют долину. Убивай, режь, пытай! Мне пофиг! Но знай, что за все твои действия ты ответишь либо сам, либо через своих близких! Ты меня понял?!

– Понял. Не дави так, – прохрипел старик. – Весь в отца. Такой же упёртый дурак... Хм-м...

– Да ты не стесняйся. Мы тут одни, – вставил я свои слова в молчание Вэрта. – Можешь считать меня кем угодно, но дело своё делай...

– Дай встать... Ваша милость... Устал уже на земле лежать...

Сдача коридора смерти было делом десяти минут. Вру, пятнадцати минут. Пять минут на путь, пять минут на переговоры Вэрта со своими людьми, пять минут на устранение беспорядков от баб с развязанными руками.

На меня смотрели дико что бабы, что мятежники, что свои же бойцы, но дальше суровых взглядов дело не шло.

– Ну ты и даёшь... – прошептал Гевур, смотря на сопли и слезы баб, обнимавших своих мужчин.

Даю, и ещё раз дам. Жаль, Гевур. Я до этих слов считал,

что ты сможешь убивать детей по моему приказу. Похоже, что не сможешь. Несмотря на то, что ты в прошлом вор. Я, если честно, сам не хочу выяснять, смогу ли отдать такой приказ. Я могу только предполагая, что способен на такое...

* * *

С орками нам повезло, тут был не весь рейд, а только разведчики от авангарда. Их завернули от стены ущелья стрелами, а они не спешили покидать долину ущелья.

Это говорит сразу о нескольких вещах. Первое: орки мне до конца не доверяют. Не доверяют в том, что если я их пропустил в одну сторону, то пропущу и в обратную сторону. Говорит и о том, что они понимают трудности их пропуска с моей стороны, иначе их разведка давно уже ушла бы при первых признаках враждебности. Второе: у них есть запасной вариант бегства с трофеями, раз они не все тут окопались. Блин, надо срочно что-то решать с союзниками...

К разведчикам от орков я выехал сам. Рисковал, конечно, но кому другому это можно доверить? Выехал при полном параде, со знаменем, конвоем, цацками, регалиями и прочим.

Всё ждал, что по мне начнут стрелять, и я временами косился на двухстволку, притороченную к седлу. Толку-то от неё. При опасности у меня всего один выстрел, всего один патрон (два распотрошил в надежде понять соотношение по-

роха). Обошлось. Нас взяли в полукольцо три гоблина и два орка. Комитет по встрече.

Выяснилось, что дикие народы не рассчитывали на моё сотрудничество. Этот отряд послан ко мне заранее на всякий случай. За спиной у рейда орков ответка от вассалов графа. Преследуют, но пока вступить в сражение не спешат. Ждут, когда большая часть пеших бойцов выдохнется. Тогда им и размотают кишки, при условии подходящей для конницы местности.

О добыче рейда речи не шло, но судя по тому, как блестяли глаза у разведчиков, им есть что терять кроме жизней. Косвенно об этом говорит и тот факт, что слишком резво за ними сорвалось ополчение графа. Похоже, орки неплохо порезвились на вражеской территории...

Два последующих дня для меня были сплошным кошмаром. Орки прибывали волнами, по тридцать-пятьдесят особей. Временами в их рядах были и гоблины, и совсем редко тролли. Впрочем, тролли малочисленная раса, и я этому не удивлялся.

Я удивлялся скоординированности рейда, моим бы людям такое единомыслие. Как выяснилось, часть рейда уже успела обогнуть ущелье Малого Пути, им пришлось возвращаться обратно. Показатель, что они мне не доверяли. Хотя я не могу их в этом упрекнуть. Такое резюме мне составили мои люди...

Рейд тащил на себе всё что мог. Тащили кухонную утварь,

железо, кожу, ткани, доспехи, оружие, припасы, скотину, хотя насчёт скотины – её было немного.

Изначально моя часть была пять процентов от пронесённого через ущелье, но уже на втором отряде я понял, что так дело не пойдёт. Мои стали брать десятую часть от трофеев. Я сам знаю, что нарушаю своё слово, но и меня поймите. Кто же ожидал, что рейд настолько много сможет взять. Моя наводка, мои пути, мои риски, пускай делятся. С вождями я сам договарюсь. В крайнем случае, если не сумею договориться, то просто верну всё, что взял...

Вожди меня удивили. Они отступали не в начале, не в середине, как я сам сделал бы, а в конце. От рейда осталось триста сорок две особи, это считая орков, гоблинов и троллей, всех вместе взятых. Что тут сказать, потрепали их изрядно, но и трофеи не детские.

Правда, потом выяснилось, что одно племя не доверилось мне, они пошли в обход гор. Ещё позже я узнал, что их догнали. В мире стало больше на четыре ожерелья из двадцати восемью клыков¹⁴...

Проблем доставило и то, что на плечах у арьергарда рейда висели преследователи. На такое я с рейдом не договаривался. Это же голимое палево!

Пришлось отдавать приказ стрелкам прикрывать союзни-

¹⁴ Берутся не все зубы, а только четыре клыка. Ожерелья, как правило, продаются позерам и малолеткам.

ков. Коли коготок увяз, всей птичке пропасть.

Это же надо так умудриться. Слов не хватает. Такая глобальная подстава! Одно дело, когда мы негласные союзники. Нет свидетелей, нет доказательной базы. Другое дело, когда преследователи видели, как орки входили в баронство.

Вашу мать! Такая подстава! Так и к королю можно не ездить! Не примет в лучшем случае! Или посадит в застенки при обычной ситуации...

Мои стреляли с невысокой стены, перегораживая вход в ущелье. Стреляли, но толку было мало. У меня слишком мало лучников. К тому же какие лучники из числа ополченцев из свежего пополнения дружины.

Отступающие орки всосали от преследователей. Это даже я понимаю...

Когда к нам присоединились на стене орки, я сам и не заметил. Встали и стреляли, защищая своих вождей. На них сначала косились люди, но не сгоняли со стены.

– Что застыли?! – заорал я на своих. – Стреляй по Илмару!

Кому-то это, может, покажется мелочью, но это далеко не так. Наверное, впервые в этом мире орки, гоблины и люди встали в один строй. Дайте нам общего врага, и мы забудем о вечной грызне между собой: «Свои собаки грызутся, чужая не встревай».

Поначалу стрелы летели мимо, но потом илмарцы приблизились, а мои пристрелялись. Конница графа рухнула в

один момент, когда по ним прилетело что-то магическое. Выглядело это как тёмная туча. Туча съела пятерых конников разогнавшейся линии конницы. Остальные на шоке затормозили, хотя вру. Конница начала тормозить и попыталась разметаться в стороны, но тут плотный строй конских тел. В общем, они своими манёврами больше сами себя перекалечили, чем магия нанесла по ним урон.

Гоблин, что скастанул заклятье на стене, закатил глаза и опал как озимый лист. Перестарался парень. Я не знаток гоблинов. Не знаток их физиологии. Но вижу, что он совсем не старик по их меркам. Молодой колдун от гоблинов в рейде. Это уже интересно...

– Стреляй! – ору я. – Награда тому, кто снимет больше всех!

Что я ору? Как я буду определять, кто настрелял больше? Но всё равно ору. А что мне остаётся?! Сейчас по правилам жанра я должен что-то красиво врать про то, что я в первых рядах рубил супостатов, но это чушь. Я не настолько дурак, чтобы лишний раз соваться в мясорубку.

Кратко. Встретил авангард союзников. Пропустил через ворота стены. Косился на Вэрта, но тот вроде никак себя не проявлял. Встретил, что-то крикнул про то, что гостям мы всегда рады, акцентировав на слове «гости». Ну как-то так всё прошло...

Я не соврал Вэрту. Он и в самом деле возглавил один из участков пропуска гостей по долине. Не соврал и в другом.

Его близкие были у меня в заложниках. Если он необоснованно проявит агрессию, то придётся держать слово.

Вам, может, и непонятно, но «слово – оно одно». Трёп, «базар» – это другое. Честь, совесть, да даже Бог, всё это одно. Слово – это другое. Кто не понял, то поясню. Богу пофигу, что мы о нем думаем. Главное, во что мы верим. Я верю в слово и караю за слово. Чего бы мне это ни стоило. Не хочешь давать слово, так не давай. А если дал, то держи...

Именно поэтому я для своих друзей, которые сами не ангелы, являюсь отморозком. Подумаешь, кого-то там убивал, все не ангелы. Отвечать за слово гораздо сложнее, тем более если для тебя это слово в минус...

Последующие несколько дней были заняты транспортировкой по долине рейда. Мы же с вождями рейда засели в замке и, чего греха таить, пьянствовали. Обмывали набег, торговались за трофеи, показывали, у кого «яйца круче». Короче, обычная политика.

Врать не буду, несколько раз возникали проблемы на пустом месте, но всё как-то удавалось разрешать.

Впрочем, об этой эпической пьянке я как-то уже рассказывал, так что повторяться не буду. Скажу только то, что Вэрт меня не подвёл.

Добавлю также, что Марвук не справился с поставленной задачей. Его люди не успели откопать ворота в стене. А может, просто не желали. Кто теперь разберётся. По факту вышло так, что орки вместе с людьми откапывали ворота. Кто

бы раньше такое сказал мне, сам бы не поверил...

Рейд проводили. Я с больной головой ползал по замку. У меня через час учения ополчения, на которых я обещал быть. А мне так хреново. Если кто не в курсе, то своими бойцами надо заниматься лично, иначе будет такая же фигня, как у Озвур. По факту он старший, а на деле – приложение к своим десятникам. Проводник их мнений...

К чёрту Озвур. У меня от другого голова болит. У меня тут на пустом месте непонятки образовались. Замок напоминает бордель на выезде. К основным жильцам прибавилось ещё с два десятка заложников, но это только начало.

На крестьянской телеге, трясясь по бездорожью, ко мне приехала Дейна, сестра Бранда сына Эссе Озёрного. Это та самая двенадцатилетняя малолетка, что пыталась меня со-
вратить. Типа ей не понравилась новая деревушка Камни, отданная им под управление, хоть и под моим протекторатом до совершеннолетия брата. Типа хочет присмотреть за братом.

Я в похмелье махнул на неё рукой. Хочет тут жить, так какие проблемы. Об этом я потом не раз пожалел.

Рассказывать о том, как малолетка пыталась в замке наводить свои порядки, не буду. Мелочно это, да и стыдно. Малолетка, пусть даже и дочка рыцаря, за неполные сутки навела свои порядки в замке лучше, чем я за всё время пребывания тут.

Эта дура даже на меня пыталась повлиять, когда я валялся

в похмелье. Дура, иначе и сказать нельзя. Была мной послана по адресу и, наверное, на меня обиделась. Да так-то пофиг, обиделась или нет. Совсем заборзела овца...

Я, крепясь, с утра вышел во двор замка. Лучники уже стреляют по мишеням, а вот пехота ждёт меня. Хреново. Эмба на вас нет...

Рассказывать о том, какой я замечательный командир, не буду. Это же голимое вранье. Я что-то знаю и умею, но не настолько же.

Парни под моим руководством разбились на два лагеря, одна часть атакует строй противника, другие отбиваются. Всё стандартно. Строй простой. Три ряда, щиты, мечи, копья вперемешку со стрелками. Мечи толкают своих щитников при столкновении со строем противника.

Если кто-то думает, что строй – это просто, то вы дауны. Копья и алебарды всегда помогают щитам сдержать первый, самый страшный напор противника. В моем случае это мечи, а не копья. У копий помимо этой задачи есть основная.

Знали бы вы, каково это стоять в строю, подпирать друга. Орать от страха, но делать шаг вперёд по команде. Шаг! Шаг! Шаг! Бей!

Если кто думает, что реконструкция – это игрушки, то я с вами согласен относительно реконструкции Второй мировой. Средневековье – это другое дело. Я уже как-то трещал, что года не проходит без парочки трупов от рыцарей, и ещё раз повторю. Тупое оружие, тупая реконструкция, ту-

пые смерти от слома шеи алебардой или запрещённым в реконструкции колющим, потому что некоторые колющие попадают в щель доспехов.

Я не буду врать, что тренировки – это полное соответствие с реальностью. Но я не буду говорить, что у них нет ничего общего.

Строй отработал, насколько мог. Я натаскивал своих ополченцев против дружины. Пока не в пользу ополченцев. Дружина тупо прорвала по центру и развалила строй.

Это может для кого-то звучит нелепо, но прорыв центра – это почти всегда конец. Кто-то припомнит масштабные битвы, слабый центр и сильные фланги, но вы тоже сумеете соотносить масштабы. В битве пятьдесят на пятьдесят прорыв центра – это конец. В битве тысяч, когда фронт растянут на километр, это момент битвы.

Общие впечатления от строя своих ополченцев – натаскивать их ещё и натаскивать. Стрелки от ополчения пока не понимают свои задачи, но это дело поправимое. Сам я хреновый стрелок, но в этой задаче им могу подсказать.

Я построил своих стрелков. Я понимаю, хреново это, что-то изображать из себя, если не знаешь, что держишь в руках. У нас в ШМС бегал Серёга, таскал гранатомёт. Стрелять ему не давали. Его задача была только в том, чтобы разбирать машинку и читать оплавленную, обгоревшую бумажку: «Если ты читаешь это, то ты впух по полной». Но однажды Серёга выстрелил...

На тренировку своих стрелков я не пожалел трофейных доспехов. Выставил десять комплектов. Пять впереди, пять за ними.

– Пли! – коротко и чётко. – Вперёд! Смотреть на доспехи!

Что тут сказать про ополченцев, я сам мальчика офигел, хоть и знал результат стрельб. Два комплекта доспехов пробиты насквозь, что спереди – что сзади. Я не поленился и посчитал дырки на первых доспехах, что и на вторых доспехах. Не стесняясь, выдал подзатыльник Лорину, старшему над ополчением. Количество дырок не совпадало. Хреново он их учит.

– Всем всё понятно?! – спросил я.

На меня косились. Кто с подобострастием, кто с осуждением, кто с непониманием моих поступков. Но похоже, основной посыл до всех дошёл.

– Продолжать тренировки!

Часть вторая

Юридический труп

Глава 1

О тонкостях кредитной политики

Сказать, что я был не готов к встрече с гномами – это ничего не сказать. Едрён-батон, у меня тут выход пещер гномов на поверхность, а я его не охраняю! Хотя не совсем так. Раньше это вход охраняло несколько человек. При случае им ничего не стоит обвалить вход на поверхность. Теперь выяснилось, что эти люди при мобилизации погибли на стене, а на их пост никто не заступил...

Случись что, то гномы легко могли бы вертеть... баронство. Впрочем, я не настолько наивный. Если гномы захотят, то они нас будут вертеть... и без этого выхода на поверхность. Просто прокопают ещё один ход и устроят раннее пробуждение с шепелявеньем горла в струйках красной мочи...

Гонцов от гномов пришлось встречать Хелрику. Он их задерживал, поил, кормил, пока я просыпался. Вашу мать, тут целое посольство, а я только глаза спросонья протёр.

Я сидел в своём тронном зале и пытался быть спокойным при своих гостях. Суки, просочились незаметно.

Всё моё краткое знакомство с расой гномов сводится к Дарину и его брату Далину. Из этого знакомства я вынес, что они не такие уж и коротышки, вполне по росту с местными людьми. Ещё я могу добавить, что удар у Далина вполне весомый, несмотря на то, что он не кузнец, а ювелир. Фингал был на пол-лица.

Ещё я знаю, что у них под землёй не всё так радужно, но оба брата молчали о своих делах под землёй, как партизаны.

– Чем могу быть полезен? – улыбался я.

– Мы тут по решению клана, – говорил один гном, а за ним переводил другой.

Вот гады. Я же в курсе, что все весомые гномы знают людской язык. Походу, это знак, что они меня ни во что не ставят.

– По какому поводу вы нас посетили? – спросил я, а сам жду ответа, который знаю.

– Ваш отец был должен нам. Мы хотим сейчас взять весь долг... – сказал гном-переводчик. Ну уроды, что-то тут не так, но что – понять не могу

– Переведи... Я пока не в курсе всех дел отца. Пока всё не выясню, не могу ничего сказать по вашему вопросу, – сказал я, смотря на старшего в посольстве. Старший, судя по его мимике, понял всё и без переводчика. – Мне нужно время на ознакомление с договорами. На это время прошу считать себя моими гостями...

Что тут сказать. Вот и вылезли долги отца за постройку

стены. Не верят гномы, что я стену удержу, вот и спешат взять долги с живых, пока есть с кого брать...

Дальнейший словесный трёп я пропущу. Я не очень много понял из заявлений гномов, но понял основное. Они перекупили долги другого клана и сейчас требуют досрочного погашения долга. Смотрят на меня как на дерьмо. Я для них уже не человек, а придаток к долгу. Я смотрел на них в ответ как на половую пыль...

Гномы ушли в отведённые им покои, а я чуть ли не рвал на себе волосы. Орки, гномы, граф. Как же много их, и как мало меня. В былые дни я бы напился, разбил кому-нибудь рожу, но сейчас не былые дни.

Вроде бы никто не мешает мне послать их лесом, но тут есть нюансы. Сумели скрытно подойти к моему замку, значит, сумеют скрытно сделать вылазку в долину. Посылаешь лесом – получишь резню. Вот и все расклады...

Хотя насчёт резни я не уверен. Из того, что понял, они за золото удавятся, но не до такой степени, чтобы устраивать полноценный геноцид населения долины. Это не в характере гномов. У них в этом мире другая репутация. Им невыгодно ставить себя на один уровень с орками. Так и торговые дела могут пострадать.

Если и будут проблемы от гномов, то они лежат в другой плоскости. Я могу предполагать наёмных убийц. С учётом того, как кредиторы легко проникли в долину, они могут провести карательный отряд до замка. Может, и в сам замок.

Могу предполагать юридические проблемы. В чём эти проблемы будут выражаться, даже гадать не буду. Но уверен, что мало мне не покажется. Хотя тут тоже есть свои нюансы.

Гномы, как понимаю, не относятся к королевству Алгар, а это значит, что их законы не имеют силы на территории королевства. Я сильно сомневаюсь, что этот мир созрел до международного законодательства. Из этого вывод: в случае неуплаты гасить меня будут по законам моего королевства. Дать на мохнатую лапу королевским крюкотворам, и кто знает, какие напряжения у моего баронства вылезут...

Понятно, что гномы спешат с погашением долгов. Не дураки, должны понимать, что лучше хоть что-то взять с наследника, чем ничего не взять с завоевателя долины. Одно мне непонятно. Если есть договор о займе, то где моя копия этого договора?

То, что заем был, я не сомневаюсь. Откуда-то же взялись у бати деньги на постройку замка, постройку стены и шахтёрскую работу по созданию искусственного ущелья Малого Пути.

Вывод: надо ещё раз, в третий или четвёртый раз, глобально перерыть весь замок на предмет чёрной бухгалтерии, чёрной кассы и всех важных документов. Теперь у меня сомнений нет, что у старого барона такая захоронка была.

– Коим. Надо поговорить, – сказал я вполне обычным голосом, но управляющий невольно вздрогнул. В последнее время после подобных фраз начинаются тяжёлые для него

разговоры.

– Кор-э... Ваден... если ты про... – начал было он.

– Молчи. Потом скажешь, – перебил я Коима. – Я о другом... Помнишь, я приехал в долину со свитком на гномьем? Ты умеешь читать на гномьем?

В ходе недолгого разговора выяснилось, что полноценно читать на гномьем никто не умеет. Старый барон что-то умел, что-то знал, но особо не занимался переподготовкой своих кадров в непрофильных, секретных направлениях. Впрочем, не всё так плохо, как мне изначально показалось. Коим знает значения самых ходовых рун в гномьей письменности. Сколько это всего рун, да кто его знает, но явно больше, чем несколько сотен сочетаний.

– Ну что-то лучше, чем ничего. Свитка у меня пока нет... Договор я тебе достану. Пойдём со мной. Прочитать договор сможешь? Как не сможешь?! Надо, Коим! Пусть не всё поймёшь, но основное сможешь выделить. Пойми. Совсем вслепую я ничего делать не буду. Надо хоть примерно представлять, с чем бородачи ко мне пожаловали. Так что это не просьба. Это приказ!

Вторая встреча с гномами мало чем отличалась от первой. На меня смотрели свысока, несмотря на тот факт, что кредиторы ниже меня по росту. Возможно, это мой косяк. Наверное, стоило придерживаться апофеоза, раздувать щеки от важности, пригласить их повторно в тронный зал, где я бы восседал на троне, весь такой важный. Я же лопухнулся и

сам дошёл до гостевых покоев гномов.

– Переведи! – небрежно прорычал я переводчику от гномов. Именно прорычал, надо же хоть как-то восстанавливать своё лицо и статус, если я сам себя так опустил. – Мне нужны договоры. Я не буду ничего выплачивать, если нет факта, что я вообще что-то должен. Договор о том, что я должен, не сохранился!

Стоит отметить, что моё заявление ничуть не напрягло гномов. Переводчик от гномов что-то лениво бухтел. Такое ощущение, что он делился своими мыслями о ближайшем обеде, а не говорил о деньгах. Стопудово, их старший знает человеческие языки и всё отлично понял.

Вот гады, им на меня глубоко плевать. Ведут себя, как будто я мальчик на побегушках. Как будто они меня уже держат за яйца и знают, что я от них никуда не денусь.

– В обязательствах договора чётко прописано, что долги падают на наследников заёмщика. Это оговорено отдельным пунктом. То, что у вас не сохранилось копии договора, не освобождает вас... – начал скучно бухтеть переводчик.

– Да мне плевать, что там написано! – начал я закипать и перебил гнома. – Нет доказательств. Нет выплат. Я вас первый раз в жизни вижу. С чего я должен вам верить?

Гномы со скукой и явным пренебрежением моей тушки о чём-то между собой долго говорили. Впрочем, в данном разговоре мне переводчик и не особо нужен. Я вполне представляю суть разговора. Дескать, этот дурак думает, что, из-

бавившись от копии договора, освободился от долга. Какой же он дурак. Все эти дворяне такие предсказуемые...

Через три минуты ленивой беседы бородачей я закипел полностью. Демонстративно сплюнул на пол. Развернулся, собирался уйти, но меня остановили. Переводчик что-то вякнул про то, что мне будут даны копии копий. Сказали, что если я уничтожу эти копии, то оригиналы всё равно сохранятся. Что тут сказать, опытные поганцы, привыкли вести дела с людьми. Люди по жизни ещё те суки...

Мне выдали свитки договоров. Провожали взглядами, как будто я породистый кот, что нагадил в туфлю. Убить поганца за это нельзя, потеря денежных вложений, но вот макнуть мордой в ссанье ещё как можно.

– На, – вручил я всученные документы Коиму. Управляющий был со мной при моем унижении. Вот я на нем немного и сорвался, признаю, мой косяк. – Работай. Я у озера...

Сразу свалить к озеру у меня не получилось. Меня выделила Денна. Ну та самая, сестра Бранда, дочь погибшего Эссе. Перебралась ко мне в замок. Дескать, следить за воспитанием брата, а сама ко мне лыжи мостит. Как меня достала эта малолетка...

Я на взводе после гномов. Так и хочется что-то рыкнуть, но нельзя. Пришлось терпеть её нравоучения. Именно нравоучения. Эта курица позволила себе учить меня жизни. Что это я делаю не так? За что я виноват?! Я не понял! Я что насрано?! Что она себе такое со мной позволяет?

Я краем уха слушал, о чём она мне заливала, и сам постепенно фланировал из замка. Это создание следовало за мной и что-то мне втирала. А я, кажись, понял, о чём это она щебечет. Предметов щебетаний было целых три.

Во-первых, её не устраивало, что с выделенной её малолетнему брату деревеньки Камни, вместо отобранной Озёрной, им идёт мало доходов. Она прикинула и высчитала, что привычные доходы её усопшего отца не идут в сравнение с доходами от этой деревушки. В общем, шли тучей намёки, что неплохо бы всё вернуть на прежние рельсы.

Ну, этого точно не будет. Пусть радуется, что у них вообще есть владения. Да и вообще, зачем им столько денег? Дружину содержать? А кто вам позволит дружину содержать? Может, потом дружина и будет, но не сейчас. Так что доходов от деревни у вас сейчас даже больше, чем если бы вы жили в прежнем владении и содержали бойцов.

Ещё вопросы есть? Ух ты! Есть вопросы. Не нравится, что на карманные расходы я им денег почти не оставил. Запретил старосте отчитываться о работах, налогах, доходах. Я не понял, это что, намёк, что я закрысил деньги?! Всё пущено в дело! А какое дело?! Тебя пока волновать не должно!

Что по карманным деньгам? А они зачем сейчас вам? Платье купить?! А перед кем красоваться? А погибший отец это платье планировал купить? Нет, не планировал. Дорогое слишком. Тогда какие ко мне вопросы? Да и вообще какие платья? У нас долина на пороге большой войны, не до тря-

пока сейчас.

А-а, понятно, для чего платье. Нет! Ещё одного бала в ближайшее время не будет! Поэтому ваше новое платье пока неактуально. Нет! Я не собираюсь вводить нелепицу под названием свита. И тем более мне не нужна толпа фрейлин. Хорошо! Насчёт бала я подумаю.

А вот этого я не понял! Кто это обижает вашего брата?! Где эта сволочь?! Кому жить надоело?! Ах, вот оно что. Ну, тут, Денна, не всё так, как тебе кажется. Сколько твоему брату лет? Целых семь! Ему давно пора учиться быть воином! Не нравится учитель?! А вы, Денна, сами много знаете учителей будущих рыцарей?! Если не знаете ни одного, то почему уверены, что вашего брата неправильно воспитывают?!

Ах, его унижают? Чем унижают? Позвольте поинтересоваться. Ух ты! К нему, оказывается, не относятся со всем уважением и почитанием его статуса?! А у него сейчас есть статус? Вот именно! Нет! Бранд сейчас просто мальчишка. А будет ли он рыцарем – ещё спорный вопрос. Ему для этого ещё многое надо узнать и многому научиться.

За такими разговорами я вышел во двор замка. Ей-богу, достала. А я, блин, не имею права сорваться на сироте и на пальцах ей объяснить, что её интересы – это глупая блажь.

Ну ладно, я всё могу понять. Могу понять, что её гнобит то, почему она не властна распоряжаться имуществом брата. Это закон войны, детка, и всё отсюда проистекает. Доверить сейчас вам с братом самим распоряжаться деревушкой

— это всё равно что детей запереть в кондитерской лавке. Не доросли ещё до таких дел, быстро всё промотаете на всякую ерунду. А мне нужна деревня с довольным населением. Мне не нужны замордованные крестьяне, уставшие от завышенных налогов. Хватит с меня одного неудавшегося крестьянского бунта...

Кое-как отцепив от себя малолетку, я вместо озера пошёл к Олави. Вон где он спрятался, сидит на арене замка и гоняет новобранца.

Олави, старый рыцарь, приятель Антеро, для ближнего круга известен по прозвищу Слепой Ёж. Прозвище получил за пучок стрел, пойманных в прямом смысле на свою задницу, когда его раненого тащил на себе бродяга.

Своей семьи нет. Владеет домом в Ферреро, сданным в пожизненный лен старым, покойным графом Илмаром. Приехал в долину из города с моим ребёнком на руках. Кайя умерла при родах, а он слишком стар, чтобы следить за ребёнком. Если бы не он, то гарантированно мой малой попал бы в канаву.

Это с его подачи умер мой самозванный батя. Это он вместе с младенцем протащил в долину кормилицу, что отравила старого барона. То, что его использовали вслепую, у меня сомнений нет. Слишком он сдал со смертью девчонки, которую прилюдно признал внучкой. А вот к старику Тазари, что на хорошем счету у молодого графа, и временами выпивал в доме Олави, у меня есть вопросы. В отравлении барона, по-

хоже, торчат его уши. Он либо автор, либо информатор...

Олави сильно сдал за последние месяцы. Он привязался к Кайе, и её смерть ему тяжело далась. У него совсем выцвели глаза, стали такими белёсыми, выцветшими.

Когда он вынес моего сына, я думал, что у него совсем «крыша потекла». Таким он был потеряннм, разбитым, опустившим плечи.

Во время штурмов он, естественно, был в замке вместе с моим сыном. Поэтому он не сразу узнал, что Антеро погиб. Признаться, я тогда не знал, как ему об этом сказать. Деду это и не пришлось говорить. Он сам всё понял, видя, что я при нём зажимаюсь. Я понял, что он понял. По его взгляду, такому спокойному, тихому, глубокому взгляду ветерана.

Потом был бал, точнее пародия на бал, и я взял под свою опеку Бранда. Мне самому Брандом некогда заниматься. Я его сплавил на первое время к Олави. Я думал после заменить деда кем-то, но не судьба. Дед словно стряхнул пыль со своей спины и стал упоенно при любом поводе рассказывать сказки пареньку. При ребёнке дед словно сам молодел. У него словно включалось второе дыхание. Грех от такого забирать ребёнка, тем более что сам пацан к нему тянулся.

Признаюсь, я подслушал некоторые сказки деда. В некоторых сказках были прямые отсылки к его жизни, были истории, похожие на жизнь его друзей и вообще о воинской стезе в целом.

В одной из сказок я узнал себя. Сказка была про благо-

родного рыцаря, что спас принцессу от слуг злого короля. Впрочем, финал сказки мне не понравился. Слащавый дурачок-рыцарь уехал на подвиги, убивать очередного дракона, а принцесса умерла от тоски во дворце. Я уверен, что дед почуял моё присутствие и так иносказательно надавил мне на совесть...

– Дед. Кончай его гонять. Тут на тебя жалуются, – сказал я Олави, наблюдающему, как семилетний мальчишка пытается держать равновесие на бревне.

– Бранд... Внучок... км-м... не смотри под ноги. Ты должен чувствовать бревно. Не сгибайся! Спину держи ровно, так проще удержаться... – словно меня не слышал, тихо вещал Олави.

– Дед. Олави!

– Да слышу я тебя. Не отвлекай внука. Не видишь, ему и так непросто... – чуть слышно сказал Олави. – Можешь мне не говорить, я знаю, кто против тренировок Бранда. Подумаешь, упал несколько раз с бревна... Лучше сейчас, чем потом... Она мне уже говорила...

Всё с тобой понятно. Дорвался до воспитания идеального бойца. Так-то я деда понимаю. Бревно – это мелочи. Пусть лучше сейчас малой набьёт синяки, падая с метровой высоты, чем потом будет трупом. Бревно – это начало в длинном списке упражнений...

– А тут налетел дракон и стал плевать огнём! – повысил голос Олави и стал метать в паренька мелкие камушки. Ме-

тал через силу, одряхлевшей рукой, но пытался попасть по ученику. – Пропустил один плевок – ничего! Зачарованные доспехи несколько плевков выдержат, но через пропасть надо пройти с наименьшими потерями! Старайся! Я знаю, что тяжело. А как было тяжело Славному Гизварду, когда он шёл по канату под огнём дракона...

– Дед... – начал я по новой, хотя уже понял, что Олави прав. Денне просто вожжа в месячные под хвост попала.

– Внучок, иди. У тебя много дел... Подумать только. Он меня учит! Сам давно у сына был? Иди отсюда, сынок. Бранду сейчас надо бегать, а он тебя боится... – отмахнулся от меня дед Олави.

Что тут сказать. Ты во всём прав, дед. Я редко бываю с сыном. Мне сейчас не до сына. Я погряз в делах. Прав и в другом. Бабам не понять, что чрезмерная опека над детьми выразится в будущем их гибелью.

Свалив от Олави, я повстречал кор-сэ Адруса, хотя, точнее сказать, повстречал его спину. Это пьяное тело сралось под лестницей. Так-то я его понимаю, порядки тут такие в средневековье, ссать под лестницей или со стены. Срать в любом самом проходном месте. Что вы хотите, средневековье, тут так принято.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.